

**НИКОЛАЙ
ВАСИЛЬЕВ**

БИТВА ПРИ ТЮРЕНЧЕНЕ

2016

Николай Васильев

Битва при Тюренчене

«Автор»

2016

Васильев Н. Ф.

Битва при Тюренчене / Н. Ф. Васильев — «Автор», 2016

Да, очередной попаданец.... Обозревая историю нашей многострадальной страны в поисках узлового, переломного момента, принял за таковой мало кому памятное сражение у китайского селения Тюренчен – первое в Русско-Японской войне 1904 г. А ведь оно могло быть решающим и даже последним...Содержит нецензурную брань.Содержит нецензурную брань.

© Васильев Н. Ф., 2016

© Автор, 2016

Битва при Тюренчене.

Аннотация. Да, очередной попаданец... Обозревая историю нашей многострадальной страны в поисках узлового, переломного момента, принял за таковой мало кому памятное сражение у китайского селения Тюренчен – первое в Русско-Японской войне 1904 г. А ведь оно могло быть решающим и даже последним...

Часть первая. Красноярский дебют

Глава первая. Обретение тела

С недавних пор жизнь геолога Сергея Андреевича Карцева, и так насыщенная на протяжении многих лет событиями и стрессами, усугубилась явной чертовщинкой. Из ночи в ночь он стал видеть один и тот же сон: будто его душа летает вдоль улиц дореволюционного Красноярска, причем полет этот неспешный, с доскональным изучением примечательных учреждений (как снаружи, так и внутри!), а также находящихся в них людей. Слышать голоса «душа» не могла, но мимику воспринимала, да и содержание лежавших на столах бумаг было ей доступно. Если б еще не спотыкаться на дурацких «ятях» и «ерах»!

Чертовщинка же заключалась в том, что персонажи учреждений от сна ко сну не желали меняться, демонстрируя к тому же досконально реальное поведение: чиновники губернской управы, например, что-то писали, ходили с написанным к столоначальникам, переговаривались, принимали посетителей, иногда собирались в группки на лестничных площадках, где курили и похихатывали... Арестанты рядом расположенной тюрьмы то говорливо, то немо злобились, а их охранники тоже зло скучали, меряя шагами тюремные коридоры... В сентябрьском парке одни и те же владельцы аттракционов позволяли детям кружиться на каруселях, качаться на «лодочках» и стрелять из «монтекристо», а на скамейках сидели с малыми детьми уже приметные Карцеву нянечки... Знакомы ему также стали продавцы сельтерской воды, мороженого, пирожков, пацан, торгующий газетами возле входа в парк (из газет стало ясно, что идет 1902 год), меняющиеся через день городовые... Пробирался он и в «святая святых», то есть в банки, где узнаваемые бухгалтеры и их помощники выдавали или принимали деньги... Побывал «дух» в нескольких акционерных обществах, мало чем отличимых от банков (денег там, впрочем, не видел), в мужской и женской гимназиях, вполне сходных по усердию учащихся и их учителей, в публичной библиотеке при драмтеатре (немноголюдной) и в самом театре (вот там оживился, так как служители Мельпомены в своем кругу вели себя вольно и даже нелিপцприятно), в нескольких богатых домах, потом в домах по скромнее – и в одном из них «застрял».

Впрочем, застрял не в том смысле, что не мог более во сне никуда перемещаться, а в том, что возвращался сюда ежедневно (еженощно?) – хотя сначала и увещевал себя, стыдил, потом бросил. Такая уж тут проживала семья (мать, сын, дочь и кухарка где-то сбоку): прекрасная и несчастная. Вот «душа» и прикипела.

Несчастье этой семьи заключалось в смерти ее главы: опоры и кормильца. Вероятно, он был чиновником, и семье выплачивалась пенсия – но содержать двоих детей и дом на эти деньги вряд ли долго было возможно. Дети же были хоть и великовозрастны (сын лет 19 и дочь 14), но образование еще не завершили. Причем, судя по форменной тужурке сына (пригожего, с упряминкой молодца) был он студентом Горного института! Уже, видимо, бывшим – один курс закончил, а оплатить второй нечем... Дочь же училась в той самой гимназии – «дух» Сергея Андреевича разыскал ее в одном из классов. Екатерина Городецкая (так значилось на ее тетрадах) – прехорошенькая, умненькая, с остатками природной веселости...

Впрочем, дети в большинстве симпатичны – в отличие от многих взрослых. Только мама Сергея (!) и Кати была штучной породы, и взрослость (лет 40?) ей очень шла: статная, с плавными движениями и величавой головой на высокой атласно-белой шее, рожденная повелевать, но и утешать. Как упивался Сергей Андреевич (пользуясь исключительностью своего

состояния) совершенной красотой Елены Михайловны (имя и отчество подсмотрел на почтовом бланке), как поражался неизменному благородству ее повседневного поведения (с детьми, на людях, наедине с самой собой!), как стал сопереживать тяготившей ее проблеме: что, что делать? Как строить теперь жизнь – свою и, главное, своих детей? В пылу этих сопереживаний он стал даже негодовать на усопшего Городецкого (поляк, что ли?): как ты мог гикнуться столь несвоевременно, нет, чтобы подождать лет пять, когда сын завершит образование и станет способен обеспечить мать и сестру? Больно видеть все более вмятую вертикальную морщинку меж соболиных бровей Елены... Хорошо хоть кухарка от нее не сбежала и продолжает обеспечивать функционирование домашнего хозяйства...

Этот сладко-мучительный сон днем и не думал развеиваться, подобно обычным снам. В результате реальное существование Сергея Андреевича стало обесцениваться. Он ходил в свой Институт земной коры, пытался вникать в интересную ранее работу, но перед его мысленным взором вновь и вновь всплывало лицо почти обожаемой женщины: что, что делать? Как глупо...

Иногда он себя урезонивал: ну все, все, завязывай с этой мистификацией, попробуй не спать (за пультом ноутбука) или наоборот, прими на ночь мощное снотворное. Пробовал, на сутки помогало, но стоило уснуть обычным порядком – сон продолжался.

«Надо бы ей выйти замуж», – вдруг сообразил он. «Ведь ею многие вполне приличные мужчины интересуются – я замечал, когда сопровождал Елену за покупками или с визитами. Правда, она никому женской приязни не выказывала – я бы заметил. Тьфу ты черт, какая дурь в голову лезет, долой, долой все!»

Но пришел сон, и он вновь устроился на изразцовой печной притолоке в гостиной дома Городецких, где под уютным абажуром с керосиновой лампой расселось коротать досуг все семейство. Карцев сразу приметил, что сегодня Елена Михайловна радостно оживлена. Вот она обратилась с каким-то сообщением к сыну, Сергей тоже встрепнулся, потом что-то уточнил и лицо его подувало. Впрочем, он продолжил кивать матери и даже погладил ее руку. Катя же вдруг облегченно рассмеялась и стала что-то рассказывать маменьке, почти вздохнув. При этом она уморительно строила рожицы, изображая в лицах учителей (?), гимназических служителей (?), подруг и, видимо, кошку. Быстро веселье охватило всех, даже серьезного братца. Вот и он, в свою очередь, вызвал улыбки какой-то своей историей, в завершение которой достал из кармана тужурки потертый томик, раскрыл его на середине и стал читать вслух, все более улыбаясь. «Дух» Сергея Андреича подлетел, любопытствуя, зацепил взглядом «Джордж, Гаррис», потом «Монморанси» и отлетел назад, где предался уже излюбленному занятию: вглядываться в черты и мимику госпожи Городецкой.

В следующем сне он последовал за Еленой Михайловной и Сергеем в губернскую управу, где весьма представительный чиновник сначала покровительственно беседовал с вдовой, периодически окидывая ее стати влажноватым взглядом, затем коротко переговорил с соискателем «места» и, вызвав колокольцем подчиненного, отправил с ним Сергея. Елена Михайловна тоже было поднялась со стула, но «важняк» ухватил ее за обтянутую перчаткой руку и стал с нажимом что-то говорить. Дама слушала его с напряженной улыбкой, деликатно пытаясь высвободить запястье – мужик не отдавал. Вот он заговорил еще более напористо, сопровождая речь длинными взглядами в очи прекрасной Елены, вдруг склонился к ее руке и стал быстро целовать. Одновременно его правая рука («Вот, шакал!» – беспомощно заметался дух Карцева) ухватила женскую талию...

Неожиданно гибким движением Елена выскользнула из дерзких рук и, коротко всплеснув ладошкой, хлестнула по чиновной щеке. «Важняк» остолбенел, а Городецкая вдруг ему улыбнулась, примирительно взялась за рукав и стала что-то мягко втолковывать. «Ай да Елена Михайловна! – восхитился Карцев. – Ай да молодец!». Через пару минут «важняк» совсем успокоился и принял виноватый вид. Городецкая тотчас двинулась к двери, но на выходе обер-

нулась и, подняв руку, пошевелила пальчиками. Карцев же задержался в кабинете, отслеживая реакцию чиновного хама, которая оказалась вполне ожидаемой: «важняк» сначала явно выругался, посидел в кресле, переживая, затем вызвал того же чиновника и сделал краткое распоряжение. После чего достал из обширного стола папку с документами и стал ее проглядывать. Тогда Карцев двинулся на поиски Городецких.

Елену Михайловну он обнаружил идущей в одиночестве в сторону дома, а Сергея (после стремительных и долгих поисков) – подходящим к зданию городского архива. В последующее время Карцев наблюдал, как Сергей передает заведующему архивом бумагу из управы, выслушивает его наставления и устраивается на рабочем месте: в отделе учета документов Енисейского горного округа! Довелось ему также увидеть приезд в коляске уже знакомого порученца «важняка», после разговора с которым заведующий подошел к новому сотруднику и с извинительной мимикой внес какие-то коррективы. Тот слегка кивнул и заметно покраснел.

«Срезал зарплату, сука! – предположил Карцев. – Давит Елене на психику, тварь...»

Вечером, в доме Городецких, наблюдая драматичный диалог сына и матери, вялый семейный ужин (который Катя напрасно пыталась оживить) и необычно раннее уединение по комнатам, Карцев вновь задался мыслью: чем он мог бы помочь семье? Вот если б он мог подсказывать Сергею что-то по ходу его работы... Уж что-что, а в делах Енисейского горного округа геолог Карцев с высоты 21 века мог бы навести шороху...

Вдруг дерзкая мысль его озарила: «Я ведь могу перемещаться, куда захочу... Что если забраться Сергеем в голову? Дурь, конечно, но это же сон, а во сне многое можно, что в реале невозможно...» И он юркнул в микроскопическую щель нужной комнаты, оглядел лежащего с поднятыми за голову руками юношу и с ходу проник в уши, глаза и ноздри реципиента, впитываясь и впитываясь во все поры, ткани и кровь... Масса новых, совершенно экзотических и, в целом, неприятных впечатлений оглушила его, вытеснила все собственные мысли, преобразовала в стремительное мельтешение чуждых образов... Вдруг все как-то «устаканилось», мир вновь стал ему виден и понятен, хоть и в необычном ракурсе.

– Что это со мной? – неожиданно пролепетал вслух «реципиент». – Кто тут?

«Не кипишуй, – ответил мысленно Карцев. – Это всего лишь твое второе «я».

– Второе «я»? – опять вслух спросил выюнш. – А чего мне не делать?

«Кипятком не писай, – вновь на «сленге» родил мысль вторженец. – И вслух можно не спрашивать: до тебя ведь мои мыслеформы доходят?»

«Кажется, да, – послал мысль Сергей-младший. – И, кажется, я схожу с ума...»

«Лабуда, не бери в голову. Воспринимай меня как джинна, который призван тебе помочь»

«Джинна? Из сказок Шахерезады?»

«Ну не совсем. Вообще-то я попал в тебя из будущего, начала 21 века. Компренэ?»

«Но компренэ. Жо пробаблемен дор...»

«Не, не, я по-французски не шпрехаю, думай по-русски. Кстати, ты вот начал учиться на геолога, а я им работаю уже в течение долгого времени. Теперь выгоду свою осознаешь?»

«Не сплю, значит... И у меня в голове джинн-геолог. Из будущего... Все же, пожалуй, сплю...»

«Вот зараза, какой упрямый... Ну, уколи себя иголкой или башкой об косяк стукнись. Впрочем, нет, башкой не надо, вдруг я из нее вылечу...»

«Что-то не верится мне, что Вы получили геологическое образование, да и образование вообще: Ваш жаргон даже в простонародье не всякому по нраву придется...»

«Увы, друг юный, в нашем веке на сленге всяк умеет говорить: и подонки распоследние и мужи образованные и дамы вполне приличные...»

«И дамы? Не поверю никогда! На сленге говорят только жители Ист-Энда!»

«Упирайся, упирайся... А о моде ты слышал? Так вот, сленг и жаргоны разные вошли в моду, только и всего. Впрочем, люди образованные могут разговаривать и на вполне рафинированном языке – так что не поймешь иной раз, о чем они вообще говорят»

«На каком, рафинированном?... Но Вы сказали, что французским не владеете, а образование предполагает обязательное знание основных европейских языков...»

«Было, было такое обучение в нашей средней и высшей школе... Только вот жизнь все расставляет по своим местам: ну зачем мне знать эти языки (из которых некоторые все же изучал), если я всю жизнь проработал внутри России, в среде исключительно русскоговорящих людей и за рубеж так ни разу и не выезжал, даже на отдых?»

«А геологическая литература? Она же, в основном, немецкая, французская и английская? Особенно, научная периодика...»

«Основные работы переведены на русский – кроме периодики. Впрочем, публикаций так много, что и в русских-то буквально тонешь, знакомишься очень избирательно. Многое мимо проходит, особенно зарубежные изыски. Фактически по ряду геологических направлений мы варимся в собственном соку, самоизолировались...»

«Значит все-таки из будущего... Но как Вы попали ко мне в голову?»

«Как, как... Просто напомним тебе, юноше образованному, цитату из Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

«Тогда другой вопрос: зачем?»

«Вот ты мастак вопросы задавать... А знаешь ли, что на твой вопрос может быть несколько вполне правдивых ответов? Вот первый вариант: 1) был сегодня в виде призрака в управе, видел процесс устройства тебя на работу, понял, что наняли за гроши и то часть сразу же срезали, проникся сочувствием и решил помочь – тем более, что знаю как. Принимаешь такой ответ?»

«Как Вы узнали, что срезали?»

«Встречный вопрос: насколько?»

«Директор департамента пообещал 30 рублей для начала, а потом столоначальник приехал специально в архив и срезал до двадцати...»

«Вот какой столоначальник своенравный... Ты пожалуйся на него при случае директору...»

«Ваша ирония означает, что это распоряжение именно директора?»

«Схватываешь на лету. И отвыкай уже мне «выкать», я ведь отныне второе «я».

«Не приучен «тыкать» старшим. Вам, вероятно, более 50 лет? И может быть, Вы, наконец, представитесь?»

«Карцев Сергей Андреевич, 58 лет. В моем возрасте кроется второй вариант ответа на вопрос «зачем?»: затем, что я близок к старости, душа же пыжится быть молодой, а тут ты весь из себя такой юный, красивый и почти что образованный. Думаю, что наш симбиоз станет абсолютно взаимовыгоден: я буду воспринимать твои ощущения как свои собственные, а ты не наделаешь тех многочисленных ошибок, которыми усыпан путь молодых... Да что там, я сделаю тебя богатым, успешным, известным и много еще чем...»

«Вы можете сделать нашу семью богатой? Но каким образом?»

«Могу и сделаю. Вопрос: что добывают в Енисейском горном округе?»

«В основном золото. Но все прииски давно поделены. Или Вам известны неизвестные?»

«Точно так, с абсолютной привязкой к местности. Известны также залежи каменного и бурого угля, крупнейшие в мире месторождения меди, никеля, платины, свинца и цинка, нефти и газа, ряд просто крупных месторождений железа, марганца, кобальта, сурьмы, молибдена и еще ряда полезных ископаемых. И мы можем предложить их под разработку промышленникам. Вернее, предложения по новым приискам будешь делать ты, причем я знаю, как их можно замотивировать»

«И как же?»

«Ты, будто бы, копаясь в архивных материалах, нашел данные старательской шурфовки: неизвестные или почему то сочтенные прежними горными инженерами бесперспективными»

«И мне безоговорочно поверят?»

«Сразу не поверят, но ты предложишь послать с тобой на этот участок группу шурфовщиков и шлиховщиков, вскроешь и опробуешь россыпь, прикинешь примерные запасы и передашь эти материалы финансировавшему экспедицию промышленнику – оговорив себе с добычи небольшой процент»

«Небольшой – это сколько?»

«Я и сам не знаю, может 5%, в крайнем случае 10. Это для того, чтобы промышленник наживку заглотил и тебя не захотел со света сжить»

«Вы это сейчас теоретически рассуждаете или у Вас на примете уже есть россыпь?»

«Есть, не сомневайся: и большая, на 15 тонн, и малая, килограмм на 300. Могу, конечно, еще десятка два-три малых и средних предложить»

«Совершенно неизвестных? И даже почти на 1000 пудов? В Енисейской тайге, наверное? Северной или Южной?»

«В данном случае в Северной, но есть целики и в Южной. Впрочем, я думаю, твоей семье на безбедную жизнь доходов от первых двух россыпей хватит. А тебе это золото лишь позволит стартовать в столицы, в более высокие сферы: науку, промышленность или политику – куда пожелаешь»

«Кажется, такие проекты прожектами называются?»

«К 21 веку у русских людей накопилось много метких выражений, вот одно из них: мечтать не вредно, вредно не мечтать»

«Но я вовсе не стремлюсь в такие эмпирии, мне достаточно было бы дело настоящее делать, иметь возможность опекать сестру и маму и продолжить род Городецких»

«Тогда вот мое собственное изречение: если ты молод, богат, полон сил и не честолюбив – стоило ли вообще рождаться на свет? Здесь же кроется третий вариант на вопрос «зачем?»: затем, что с твоей помощью я могу удовлетворить свою тягу к более совершенному устройству мира и, может быть, предотвратить хотя бы некоторые из тех бед, которые весьма скоро случатся с Россией»

«Так Вы социалист? Как вообще вы там живете, в 21 веке? При социализме, конституционной монархии или в буржуазной республике?»

«Всяко жили, в том числе и при социализме, а теперь то ли в парламентской республике, то ли при диктатуре олигархов. Царя, конечно, давно уж нет, хоть некоторые «либералы» по нему прямо тоскуют»

«А что за беды нас ожидают? И как скоро?»

«Ну, ты прямо за один вечер все хочешь разузнать. Я теперь тебя вряд ли покину. А впрочем, с этой возможностью надо бы точно определиться... Значит так, лежи, не дергайся – я сейчас попробую из твоей головы эмигрировать»

«Ой, и вселение то было жутким, а теперь еще страшнее...»

«Потерпи, Сережа, при удаче у нас руки будут полностью развязаны»

Тут Карцев (тоже весьма мандражируя) стал концентрировать свои виртуальные частицы в призрачные потоки, а когда ему это вроде бы стало удаваться (вопреки жутким шумам и калейдоскопу образов), направлять эти потоки к тем же выходам: ушам, глазам и ноздрям. Получилось! Он вновь парил над Сергеем в виде бесплотного облака – в то время как тот таранил глаза и явно что-то говорил, говорил. Вернуться обратно? А давай! Теперь процедура перехода показалась значительно проще и короче: – «Привет, Сергей!»

«Как хорошо, что Вы вернулись – я очень испугался, что ничего не получится!»

«Хорошо когда хорошо – еще один перл из моего века! Но и, правда, хорошо. Ведь этак я смогу, пожалуй, и в другие головы вселяться... Не переживай, исключительно с разведочными целями или для внушения некоторых общечеловеческих понятий: например, что хорошо, а что плохо. Ну а в симбиозе я предпочитаю жить с твоей головой: свежей, ясной, порядочной»

«То есть такой головой, которой легко будет командовать?»

«Ни, ни, только советовать. Впрочем, давай-ка еще эксперимент проведем...»

«Оо-х, опять...»

«Не трусь, эксперимент простой: ты будешь лежать и ни о чем не думать, а я попытаюсь поднять по своей воле руку или ногу. Только не жульничай: нам с тобой лучше жить дружно»

«Ну, давайте...»

Но как ни пыжился Сергей Андреевич, даже ресницами реципиента он не смог пошевелить.

«Все, закончил, владей своим телом единоначально. Как говорится, не очень-то и хотелось. Доволен?»

«Даже не знаю, что Вам сказать... Может, в каких-то обстоятельствах это было бы и неплохо?»

«А ты великодушен, это приятно. Тогда пожелай, чтобы твое тело слушалось моих команд. Пожелал? Теперь я желаю двигать твоей правой рукой... Есть! Двигается! И даже вполне ловко, а не как у робота...»

«Что еще за робот?»

«Расскажу еще, успею. А тебе, пожалуй, пора поживать. Учти, что если и я усну, то окажусь, наверно, в своем времени – но утром вернусь и вселюсь в тебя»

«Как это, Вы будете жить в двух разных временах?»

«До сих пор ведь жил – правда здесь в виде привидения, причем полагал, что вся ваша жизнь мне снится. Может, так оно и есть и с завтрашнего дня я перестану сюда являться?»

«Может, и я все-таки сплю?»

«Поживем-увидим. А сейчас я попробую тебя усыпить. Представь, что твое тело, руки и ноги становятся теплыми, теплыми и тяжелыми, тяжелыми, все тяжелее и тяжелее... Твои тяжелые веки закрываются, закрываются, дыхание становится глубоким, плавным, ровным, тело совсем расслабилось, расслабилось, руки расслабились и потеряли вес, ноги совсем не шевелятся и растворяются, растворяются, исчезают... Вот и тело стало совсем легким, легким, растворилось, растворилось, уснуло глубоким, глубоким сном, сном, сном, сном... И правда уснул. Да и мне спать страшно захотелось...»

Глава вторая. Первые придумки

Проснулся Сергей Андреевич Карцев с чувством глубокого облегчения, так как вновь оказался в своей постели. Впрочем, подробности ночного морока помнились отчетливо, особенно диалог внутри черепной коробки Сережи Городецкого.

«Так попаданец я все-таки или необыкновенный сновидец? – в который раз задался вопросом уроженец 20 века. – А какая мне, в сущности, разница? Сюда я регулярно возвращаюсь, здесь живу и работаю, да и тело свое питаю, а там буду просто давать советы, сам ничем не рискуя. Полная лафа! Если еще и мир тамошний под себя немного прогну...»

– то здешний мир может трансформироваться в неизвестно какую сторону! Впрочем, известно: какие-то люди совсем исчезнут (будто их и не было), а совсем новых русских и нерусских будет ой как много... Или правы те, кто рассуждает о параллельных мирах? Нет, лучше все-таки полагать, что тамошние события происходят всего лишь в моем больном воображении – и дело с концом!»

Он неспешно потянулся (день был субботний) и двинул на водные процедуры.

«Хорошо все-таки жить в цивилизации, – блаженно думал Карцев, подставляя те или иные части тела под струи горячего душа. – А вот Серега, наверное, уже топором с утра намахался, готовя дрова для кухарки, потом холодной водой из колодца ополоснулся и почесал в свой архив... Тьфу ты, черт, я же решил, что та жизнь мне лишь снится! Ну, как бы там ни было, а надо мне к завтрашнему «сновидению» подготовиться и поискать по интернету, чем бы мои опекаемые могли уже в ближайшее время удивить сограждан и чуток на этом заработать?»

К обеду заготовки поднакопились, причем их реализацию (большой частью) могла взять на себя только Елена Михайловна.

«Ничего, ей такая активность будет на пользу, – решил разработчик идей. – Впрочем, еще и «белоподкладочника» этого придется убеждать, что его драгоценная мама может сама обеспечить благосостояние семьи – и не через брак или связь какую-нибудь постыдную, а исключительно своим трудом».

Ну, а после обеда Карцев сел заучивать первую главу славного сериального сочинения «Смок Беллью» – для дословной, по возможности, трансляции в череп Сереженьки. «Авось получится завести в Восточной Сибири широкодоступную роман-газету...». Когда текст стал уже «отскакивать от зубов», пришел вечер, и довольный собой выдумщик улегся спать ...

... появившись в Красноярске, как всегда, около 9 утра. Сергея он нашел на рабочем месте, в архиве, причем занятым именно разборкой и сортировкой старых приисковых документов. Понаблюдав некоторое время за его деятельностью, Карцев, в общем, ее одобрил и решил тут время не терять, а обследовать хозяйство Городецких более тщательно: вдруг на глаза попадутся какие-то эксклюзивные ингредиенты? Он мигом домчал до знакомого дома на Малокачинской улице и увидел во дворе Елену Михайловну и кухарку лет 50 («так и не узнал еще ее имени...»), занятых кипячением и стиркой белья («ну это надолго...»). Некоторое время он любовался неизменной грацией госпожи Городецкой, а потом стал рыскать невидимкой по-над двором, вдоль заборов, под крыльцом, визуальнo сортируя скудную добычу: единичные ржавые гвозди, куски сильно изогнутой проволоки, несколько стеклянных бутылок, старые грабли и лопаты, какие-то пыльные тряпки... Потом проник в прихожую и резко затормозил: вот, то, что надо! На одной из полок стояли пыльные резиновые калоши, которыми явно никто не пользовался. «Усопшего Городецкого, наверное – решил Карцев. – Всем велики, но для моих далеко идущих целей сгодятся...».

Оглядев стоящую на полу немногочисленную обувь («вся, вся поношена, хоть пока и не разваливается...»), он скользнул в уже изученную-переизученную общую «залу», облетел ее, проформы ради, по углам и оказался, наконец, в «святая святых» – спальне Елены Михайловны. Все, впрочем, было ожидаемо: вдоль длинной стены – широкая супружеская кровать с пышной периной и большими подушками, у короткой стены – одежный шифоньер, а у окна стоит тот агрегат, на который и рассчитывал смысленный попаданец: ножная швейная машинка Зингера! «Лады... – прошелестел он. – Теперь можно и редакцию газеты «Енисей» навестить...»

Редакция его тоже порадовала, своей предсказуемостью: все здесь шустрили (он пробыл в ней и в расположенной по соседству типографии почти до вечера), но результат (газета) получился и в этот раз пресный, скучноватый. Объявлений, в том числе рекламных в ней было довольно много, но совершенно без фотографий – хотя делать качественное фото в те годы уже научились. «Что ж, это еще шанс к получению копеечки... Ладно, надо к Сереже спешить, он, наверно, уж духом пал...»

Новоявленного архивариуса он застал еще на рабочем месте и, не мешкая, проник в мозг. Обоих неслабо тряхнуло, но оба были не в обиде.

«А я решил, что вчера видел сон, – облегченно признался Сергей младший. – Весь день был не в своей тарелке. Вы, вроде, обычно с утра здесь появляетесь?»

«Так точно. Но я весь день провел в редакции «Енисея», вникал в ее дела – с тем, чтобы ты стал их автором»

«Я? Да мне кроме сочинений в гимназии ничего писать еще не приходилось...»

«Лиха беда начало, пообвыкнешь со мною. Попробуем предложить им для печати повесть одного американского писателя о жизни золотоискателей на Аляске – весьма интересное чтение, зуб даю»

«Чтиво? Эта газета повестей не печатает...»

«А ты их убедишь, что данную повесть будут читать тысячи красноярцев, от мала до велика – но, конечно, не в собственно газете, а в дешевом газетном приложении, страниц на 20-30. При своей дешевизне, доход газете оно принесет ощутимый. И автор публикации, то есть ты, несколько рубликов получит. И так из недели в неделю, по воскресеньям. Лады?»

«Ух, голова кругом. А что это за писатель? Его книга переведена или мне придется переводить самому?»

«Надо будет лишь записывать периодически главы под мою диктовку. Первую из них я уже заучил. Писателя звать Джек Лондон, в твоей России пока неизвестен»

«Но можно ли его печатать, это, вроде, плагиат?»

«Эту книгу он напишет в 1914 г на основе собственных ранних рассказов, которые уже опубликованы в Америке. А возможно, он ее и не напишет, так как мы с тобой с этого дня начнем исподволь менять ход истории, причем не одной России, но и всего мира. Многое пойдет теперь не так и с каждым годом все больше. Надеюсь, что в лучшую сторону. Конечно, встает этическая проблема: можно ли это делать? Мое глубокое убеждение: нужно. А раз так, мелочам вроде газетной версии еще не опубликованной сугубо приключенческой книжки, которых уже написаны тысячи и будут написаны десятки тысяч, нельзя придавать большого значения. Сейчас для нас обоих важно одно: суметь дожить до будущего лета, когда можно будет организовать экспедицию в Северо-Енисейскую тайгу – для того, чтобы перехватить золотую россыпь у потомков, которые открыли бы ее спустя лишь 30 лет. Впрочем, не переживай: золото в обоих случаях окажется в Государственном банке России»

«И все-таки от Вашей инициативы с публикацией нехорошо пахнет. Нельзя ли найти другой способ зарабатывания денег?»

«Конечно можно, уже нашел. Хоть не уверен, что он тебе больше понравится. Время рабочее вроде вышло, пойдем домой?»

«Но что за другой способ?»

«Для этого надо, чтобы ты научился воспринимать из моего сознания зрительные образы. Где по дороге мы можем посидеть и порисовать?»

«Зачем по дороге? Илья Николаевич обычно остается в архиве допоздна и мне, наверное, позволит...»

«Тогда «ноу проблем» как говорят америкосы...»

«Когда я к Вашему сленгу привыкну?»

Елена Михайловна встретила сына встревожено:

– Что случилось, Сереженька, почему ты вернулся позже обычного?

– Прости, мама, пришлось по делу задержаться. У нас многие задерживаются. Впрочем, это ведь ради тебя... Знаешь, на что я в архиве наткнулся? На футуристический журнал двухлетней давности: да, да, в архив поступают и современные документы. Хотя этот журнал, конечно, трудно отнести к документам – непонятно, как он к нам попал. Но оказался необыкновенно интересным...

– Сережа погоди, не части. Мой руки и садись за стол: суп, вроде бы еще теплый. Но уже и не горячий, как ты любишь – сам виноват.

– Так ему и надо, мама, – встряла вреднючая Катенька. – А то он сильно важничает теперь, став архивным грызуном!

– Посмотрим кем ты станешь через пару лет, вертлявая макака... Так вот, этот журнал был выпущен в Петербурге к началу 20 века, небольшим тиражом и весь насыщен представлениями о будущем веке: какова будет архитектура, транспорт, культура, вообще условия жизни и, в частности, мода на мужскую и женскую одежду. Я просто ахнул, это что-то необыкновенное! Да вот лучше посмотри, я многое зарисовал... Журнал этот единственный и мне его на вынос, конечно, не дали...

– Ты попей еще компот с блинами, Варя нам сегодня настряпала, а потом и покажешь.

– Зря ты иронизируешь, это как земля и небо, древность египетская и Эллада!

– Ах ты милый мой, таким восторженным я тебя давно не помню... Так что ты там срисовал?

– А вот давайте тарелки со стола уберем и под абажур эти листики положим: один, а потом другие... Не тяни руки, лисенок, смотри из-за моего плеча, у тебя зрение еще острое!

– Что это за почти голый мужчина? Демонстрирует мужское белье?

– Да, маменька, это трусы – вместо давно опротивевших мне кальсон. Легко, удобно, красиво. И сшить их, мне кажется, легко. Вот вид спереди, сзади и сбоку. Ты-то уж точно справишься.

– Побойся бога, Сережа, это верх неприличия.

– А ходить в белых лосинах, которые ничего не скрывали, раньше считалось прилично? Здесь же под ситцем все скрыто. И кстати, трусы эти – не такой уж футуризм: я еще учась в Питере слышал, что светские люди носят трусы, только никогда их не видывал. А теперь прошу: мама, сшей мне их, пожалуйста. Ситец-то у тебя найдется?

– Подожди, я не пойму, как эти трусы держатся на талии?

– Вроде на тонкой резиновой полоске, сверху обшитой тканью. Впрочем, можно сделать обычный пояс с пуговицей, как у брюк.

– Н-ну, ладно, попробую сострочить. А что там дальше?

– Дальше вот: трусики женские...

– Ой, мамочка, я тоже их хочу! Они из шелка?

– Из шелка, хлопка, льна, чего угодно...

– Катенька, ты-то хоть не сходи с ума, чем плохи тебе саржевые панталоны?

– Плохи, плохи, я теперь вижу! А трусики – такая прелесть... Особенно вот эти: узенькие, облегающие... Из чего они?

– Не знаю. Может, мама поймет?

– Возможно, из трикотажа... Додумались же... Так необычно. И красиво. Но все-таки это чересчур вызывающе, знакомые дамы нас осудят, сравнят с кокетками...

– Мама, на лекциях по философии нас учили, что новое всегда утверждается через отрицание старого. Давай попробуем внедрить это белье, у тебя же школьная подруга, Софья Пантелеевна, – владелица салона модной одежды. Если ты ее заинтересуешь, то сможешь стать модельером салона или даже ее компаньонкой. Тем более, что у меня есть еще новинка...

– Вот эта упряжь?

– Это изобретение, мама, называется бюстгальтер...

Уединившись, наконец, в комнате, реципиент и внедренец расслабились.

«Слава богу, мама загорелась. Теперь не отойдет от машинки, пока не сошьет приемлемые образцы»

«Замечательная у тебя мама, одна на миллион. А ты боялся: не уговорю...»

«Лишь бы модистка эта ее поддержала, выгоду обоюдную поняла...»

«А у нее дочка есть?»

«Есть, еще вреднее Катерины...»

«Ну, какая Катенька вредная, только на язычок иногда, для оживляжа... Вот она этой дочке новинки на себе и покажет. А та потом с маман ликбез проведет...»

«Никак не могу привыкнуть к твоим словечкам: что еще за ликбез?»

«Ликвидация безграмотности: ее лет через 20 социалисты по всей России проводить будут – если мы с тобой не помешаем»

«Двадцать лет еще прожить надо...»

«Мой опыт говорит, что после двадцати твои годы полетят все быстрее и быстрее... Ну, хватит прохлаждаться, тебе сейчас предстоит написать первую главу повести «Смок Беллью». Или всю заботу о семейном благосостоянии ты на материны плечи возложишь?»

«Ладно, сейчас достану бумагу и чернильницу с ручкой. А что за странное название повести: если Беллью сойдет за французскую фамилию, то «смок» – слово английское и означает, вроде бы, дым или курильщик?»

«Смок – это тоже из жаргона, только теннисного, и означает оно «резаный мяч». То есть «крученный», что по смыслу книги ближе: «Крученный Беллью» ! Ну, что, из сознания моего будешь брать или мне просто тебе начитывать?»

«Начитывать проще, конечно. Как диктант в школе...»

«Тогда слушай...»

Глава третья. **Что сказал редактор и на что клюнул сапожник**

Неделю спустя, в понедельник, Сергей Городецкий (с подселенцем Карцевым) появился часам к 10 утра в редакции «Енисея». День этот был выбран Карцевым намеренно как наименее суматошный: после воскресного выпуска и за день до «срединного». По такому случаю Сережа организовал себе отгул, отработав за понедельник в воскресенье, под руководством бобыля-трудоголика Ильи Николаевича.

Пришел он, естественно, не с пустыми руками, а с полным «переводом» шедевра Джека Лондона. На входе в редакцию его ожидаемо (разведчик Карцев предупреждал) придержал сидящий на табуретке сedoусый вахтер казацкого вида:

– Извиняйте, молодой господин, Вы по какому делу в редакцию?

– Я хотел бы говорить с главным редактором, господином Кудрявцевым.

– Извиняйте, а по какому делу?

– Я принес материалы, которые, надеюсь, покажутся ему интересными...

Лишь после дотошной проверки паспорта («Мещанин Городецкий, значит? Сергей Андреевич? А в папке материалы, значит? Сумку-то здесь оставьте, не пропадет...») казак позволил войти в заветную дверь. За которой оказался второй цербер, на этот раз женского пола: пышноватая круглолицая блондина лет 25, в тесном жакете, из-под которого выглядывала крепдишиновая блузка, и в длинной свободной юбке, почти скрывающей кожаные ботинки. Она выжидательно подняла глаза на посетителя.

– Здравствуйте. Егор Федорович у себя?

– У себя. А что Вы хотите?

– Я к нему с предложением, от которого он не сможет отказаться.

– Предложение? Вы что, посредник от Гадалова? Хотя молоды больно... Или Вы с рекламной? Тогда это ко мне...

– Не посредник и не реклама. Так позволите?

– Сейчас я спрошу...

И она скрылась в смежной комнате.

«Вот мурыжат! – заворчал Карцев после пяти минут ожидания. – Во все времена палки в колеса авторам ставят...»

Тотчас дверь открылась, и барышня позвала сладким голосом: – Проходите, пожалуйста.

Войдя в следующую дверь, Сергей наткнулся на любопытные взоры четырех сотрудников редакции, всех с интеллигентными бородками: высокого, представительного, подвижного и лысого.

– Егор Федорович? – вопросительно обвел он всех взглядом.

– Вот он я, – откликнулся подвижный. – Что за предложение такое? Вы автор, что ли?

– Не совсем. Предложение для вашей газеты может оказаться очень прибыльным. Но, может быть, мы обсудим его с Вами наедине?

– У меня от своих сотрудников секретов нет! Впрочем... Проходите в мой кабинет...

И открыл очередную дверь.

Кабинет оказался небольшим, об одном окне: в нем помещались письменный стол, четыре стула вокруг него и два шкафа по стенам. Редактор обошел стол, сел по центру, указал посетителю стул напротив и, оглядев его с большим сомнением, проронил: – Слушаю Вас, молодой человек.

– Я действительно еще молод, но жил около года в Петербурге, где заимел довольно много знакомых, в том числе из числа молодых журналистов. Они много говорили об особенностях издательского дела и строили различные прожекты по его улучшению. Один из них показался мне совершенно реальным и с большой вероятностью прибыльным. Даже странно, что ни в одной столичной газете он так и не был реализован...

– И что это за прожект?

– Они называли его «роман-газета». Это воскресное приложение к газете, в котором печатаются популярные романы и повести – целиком или разделенные на две-три части. Я знаю, что и сейчас ряд газет печатает воскресные приложения к газетам в виде журналов – но здесь соль в том, что «роман-газета» должна печататься на точно такой же газетной бумаге, что и обычная газета, в результате чего ее стоимость будет сопоставима со стоимостью газетного номера.

– Ну-у, пожалуй, будет. Если автор, предоставивший для приложения свой роман, не загнет цену.

– Можно перепечатывать уже изданные книги, в том числе давно умерших классиков, у которых нет алчных родственников. А еще можно печатать переводы малоизвестных писателей, которые не успели прославиться и живут очень далеко – например, в Америке...

– Кто же станет читать малоизвестных?

– Но ведь все писатели начинают с неизвестности – а потом, спустя годы, их первые произведения признают шедеврами...

– Так-то оно так, но классиков большинство моих читателей уже прочло, а делать ставку на будущих зарубежных гениев... Да и где их взять, эти переводы?

– А вот я как раз принес Вам свой перевод одной приключенческой повести, из жизни золотоискателей Аляски... Автор еще молодой человек из Сан-Франциско, пишет необыкновенно легко и увлекательно под псевдонимом Джек Лондон...

– Джек Лондон? По-моему, я о нем не слышал...

– Конечно, ему нет еще тридцати, это одна из его первых книг, которую я купил как раз в Петербурге, в оригинале...

– Вы что, настолько хорошо знаете английский?

– Я там много занимался с репетитором и переводил: наши преподаватели в Горном институте очень рекомендовали знание английского, на котором издается много геологической литературы.

– Простите, я не поинтересовался, с кем разговариваю?

– Меня зовут Сергей Андреевич Городецкий, я родом из Красноярска и был студентом на геологическом факультете Горного института, а сейчас пока работаю в губернском архиве.

– Так Вы сын безвременно усопшего Андрея Городецкого? И Елены Михайловны? Как она, голубушка, поживает?

– У нас все хорошо, благодарю Вас.

– Да уж представляю, как хорошо... Из студентов-то за неимением средств отчислили? Ну а какое жалованье в архиве – я тоже примерно представляю. И Вы решили таким вот способом немного подзаработать? Впрочем, совершенно правильно решили: эта «роман-газета» вполне может оказаться доходной. Надеюсь, что и перевод Ваш нам понравится и мы его, в самом деле, напечатаем. Он у Вас с собой?

– Вот.

– Та-ак, повесть немаленькая. Это не беда, разделим пополам. Если же она нам не «покажется», то не обессудьте. Хотя... сама идея настолько интересная, что мы в любом случае выпустим несколько номеров такого приложения – например, с повестями Брет Гарта, который тоже о золотоискателях писал. Читали?

– Читал, конечно.

– Так вот: если роман-газета раскупаться будет и принесет доход, я Вам обязательно выдам премию. Обязуюсь. Если же и Ваша переводная повесть публике полюбится, то выплатим за нее гонорар по существующим расценкам.

– Спасибо, Егор Федорович. Когда мне можно узнать Ваше решение?

– В конце недели, пожалуй. Но лучше придите ко мне домой вместе с матушкой, в воскресенье к обеду. Ведь моя жена была с ней в молодости знакома...

– Спасибо еще раз. Так я пойду?

– Да, да. До встречи в воскресенье.

На улице Карцев «включился»:

«Во-от, а ты, дурочка, боялась!»

И спохватился:

«Не бери в голову, это у нас расхожее выражение...»

«Ох уж эти Ваши идиомы... Впрочем, Егор Федорович, действительно, ожидания оправдал. Милейший человек...»

«В вашем веке люди как то проще, контрастнее: тот злодей, а этот добряк... Изошренное лицедейство, видать, не в ходу. Не то, что в нашем: под маской маска...»

«В самом деле так? И Вы со мной лукавите, веревки вьете?»

«С тобой и вообще со всеми вами я отмякаю, даже блаженствую... Будто в девственную природу из города вырвался, где все душе приятно, понятно и предсказуемо... Впрочем, на счет предсказуемости, я, пожалуй, загнул: вариантов существует бездна, как бы не ошибиться, выбирая...»

«А мне кажется, что Вы все наметили – по крайней мере, на год вперед...»

«Далеко, далеко не все. Но пойдем последовательно, по цепочке. И наше следующее звено – обувное ателье».

«Думаете, сапожник сумеет отцовские калоши до моего размера сузить?»

«Сумеет кое-что, надеюсь. И вся твоя семья будет всегда в новой обуви ходить...»

«Да-а, наша стремится к развалу по экспоненте...»

«И жалобе образованного человека внимать может быть приятно... Ну, что, уже пришли? Как у Вас тут все рядом!»

Ателье встретило их смешанным запахом кожи, клея, гудрона и духов(!), а также стуком молотка по колодке. Впрочем, и запах и стук пребывали, в основном, за стенкой, а в приемной царил объемная мадам в цветастом платье, со странным властно-приветливым выраженьем лица, от которой и веяло то более, то менее парфюмом.

– Здра-авствуйте, молодой человек, – сработала на опережение мадам. – Обувку в ремонт принесли? Сапожки или ботиночки?

– Я бы хотел переговорить с мастером. Мой заказ особенный, он должен оценить его сам.

Мадам вздернула вверх бровки, но все же повернулась к двери в мастерскую, приоткрыла ее и крикнула:

– Евлампий! Иди сюда!

Стук прекратился и в приемную бочком протиснулся сапожник: взлохмаченный, низенький, средних лет, в фартуке и с грязноватыми, но ловкими, подвижными руками.

– Вот, с особым заказом к тебе, – чуть раздраженно пояснила мадам.

– Я хочу заказать полуботинки, – слегка запинаясь, начал неотрепетированную речь Сергей, – которые будут держаться на ноге без шнурков или пряжек, а с помощью специального приспособления, придуманного мной.

– Что за приспособление? – озадачился мастер.

– О нем я расскажу Вам только наедине, для сохранения тайны.

– Что за глупости! – возмутилась мадам. – Я жена ему венчанная!

– После исполнения моего заказа вы сможете изготавливать такие полуботинки на продажу – и они, я уверен, будут пользоваться повышенным спросом. Могут появиться и подражатели, а вам это надо? Поэтому чем меньше людей будут знать этот секрет, тем лучше. Особенно это касается женщин, у которых полно подруг...

– Нет у меня никаких подруг! – вновь вскричала мадам, но муж вдруг проявил характер:

– Цыц, Клавдея! Парень прав: дело может быть денежным. А конкуренты нам ни к чему.

Пройдем в мастерскую...

В мастерской он выгнал и подмастерья и обернулся к Сергею:

– А в чем Ваша выгода тут будет?

– Если ботинки выйдут удачными, то никаких процентов с их продаж я требовать не стану – просто Вы обязуетесь шить обувь для моей семьи (меня, мамы и сестренки) бесплатно. Мне этого будет достаточно. Даете слово?

– Коли и правда Вы такой секрет знаете, то даю.

– Тогда несите полуботинок, который не жалко.

– Да вот, пожалуйста.

– Отдерите около язычка его внутреннюю подкладку и сделайте два косых разреза по бокам ботинка... Сейчас вот Вам калоша: вырежьте из ее носика два трапецевидных кусочка длиной с эти разрезы... Приклейте эти кусочки с внутренней стороны ботинка к участкам разрезов и прошейте вдоль разрезов, для крепости... Та-ак... Теперь приклейте обратно внутреннюю подкладку – и полуботинок готов. Дайте я примерю... Вот, легко надеваю, крепко держится и резины практически не видно. Хорошо?

– Ну, господинчик, удивил... Дай-ка обратно... Хорошо!! Еще как хорошо! Вот здесь разрез чуток расширить, резину немного отрихтовать, в тон подкрасить и все! И процент с продаж брать не будешь?

– Я же сказал: нет. Держите и Вы свое слово. И еще одно: чтобы иметь с этих полуботинок длительную прибыль, надо защитить их изготовление патентом. За патент придется заплатить, зато все остальные сапожники при изготовлении таких полуботинок будут платить процент Вам. И если заручитесь поддержкой адвокатов, то не только в Красноярске, но в целой России, а то и во всем цивилизованном мире. Как Ваша фамилия?

– Прошин я...

– Дети есть?

– Трое; сын, правда, один...

– Значит, со временем в России будет широко известна обувная фирма «Прошин и сын», помяните мое слово. Кстати, у меня есть еще некоторые задумки по новым застежкам обуви, в том числе сапог, но для их изготовления понадобится очень толковый мастеровой...

– Найдем! Мне как раз знакомы в железнодорожных мастерских очень толковые...

– Я думаю, Вам сначала надо новые полуботинки в серию пустить, прибыль от их продаж получить, разнообразные модели на их основе создать и вновь получить прибыль, уже побольше... Тогда и сапогами с новыми, очень удобными, я думаю, застежками можно будет заняться... Я в этом случае Вас не подведу. Но первым делом Вы должны изготовить новую обувь мне, маме и моей сестре – по одной пока паре, бесплатно. Так?

– Конечно, не сумлевайтесь. Давайте, я Ваш точный размер сниму, и матушку Вашу с сестрой приведите сегодня же...

Глава четвертая. Экспромт-шоу «Как стать богаче»

Возле дома Городецких симбионты увидели несколько колясок с кучерами, а в самом доме – около десятка разряженных в пух и прах дам средних лет, иных и с дочерьми. Большая часть их сидела в гостиной на собранных со всех комнат стульях и табуретах и вела пустопорожние разговоры в ожидании своей очереди, а две находились в комнате Елены Михайловны, откуда слышался частый стрекот швейной машинки.

– Добрый день, сударыни, – приветствовал общество примерный сын своей популярной матери. – Позвольте предложить вам клюквенный или брусничный морс?

«Благодарствуем» – раздался голоса, но и «С удовольствием, Сергей Андреевич».

Сергей резво спустился в погреб и вернулся в дом с двумя деревянными кадучками, в которых и был морс, настоянный Варей на самолично собранных им в Дивногорских горах ягодах. Спроворив чашки из праздничного сервиза, расписной половник «под Хохлому» и соответствующий поднос, он спросил с улыбкой «А кому клюквенный?», ловко разлил морс по трем чашкам и подал их на подносе в соответствии с заявками. Потом сделал новый заход («А кому брусничный?») и наполнил уже четыре чашки. Тотчас раздался робкий голосок («А можно мне тоже клюквенный?»), на который он откликнулся с той же живостью, не преминув, почти смеясь, сообщить: «Сударыни, не робейте, делайте второй заход – морса у нас много». Почти все в ответ хохотнули.

В разговорах наступила естественная пауза.

«Предложи им сыграть в новую игру «Как стать богаче» и считывай дальше с моего сознания» – подал совет Карцев.

– Сударыни, – произнес с обворожительной улыбкой Городецкий. – А не сыграть ли вам в ожидании приема у моей мамы в совершенно увлекательную салонную игру под названием «Как стать богаче»? В Петербурге в некоторых домах ею увлекаются от души...

– «Как стать богаче?» Так это игра на деньги? – спросила величественная матрона лет под 50, увенчанная «короной» из косы.

– Деньги на кону придают игре необходимый азарт, – безапелляционно заявил юнец с едва намечающимися усиками. – Этим и объясняется невероятная популярность казино. Но не беспокойтесь, на нашем кону больше пяти рублей не будет – если все желающие сыграть согласятся внести в банк по пятьдесят копеек. При этом победитель получает все.

– Деньги, конечно, небольшие, – согласилась матрона. – Но в чем суть игры?

– В этой игре побеждает, обычно, тот, кто имеет больше знаний в самых разных областях жизни, поскольку это просто ответы на вопросы ведущего. Ведущим буду, естественно, я, а играть со мной вы будете попарно – по взаимному согласию. При этом я вам буду подсказывать три варианта ответов, из которых лишь один правильный. Если пара, посоветовавшись, ответит правильно, я присужу ей 10 очков и задам второй вопрос, дав тут же три варианта ответов.

При верном ответе получаете еще 10 очков и так далее. Победителем станет пара, набравшая наибольшее количество очков. Все пока понятно?

– Вроде бы да... А если ответишь неправильно?

– Играть садится следующая пара. Но у вас еще будут три права на подсказку: одно называется «помощь зала» (то есть каждая пара, следящая за игрой, может подсказать ответ, который кажется ей правильным, а играющая пара по сумме этих ответов может сориентироваться); второе называется «исключением одного неверного ответа», то есть выбрать вам останется из двух; третье называется «право на ошибку»: в случае неверного ответа вы можете ответить вновь. Но эти права, повторяю, вы можете использовать лишь по одному за игру. Наконец, последнее: надо бы определить круг тем, по которым я сформирую вопросы. А то начну гонять вас по высшей математике... Ну, предлагайте, буду записывать...

– А по географии можно? – спросил давешний робкий голосок.

– Думаю, обязательно.

– Животные? И растения? – спросила матрона.

– Принимаем.

– Кулинарные рецепты? Вообще продукты питания?

– Пойдет.

– Мужчины и женщины? – вдруг задорно спросила менее возрастная соседка матроны.

– Куда ж мы без вас и вы без нас...

– Одежда, моды и так далее?

– Так вы по этому поводу и собрались...

– Знаменитые люди...

– Конечно. Предлагаю еще сказки. Может, с них и начнем? Вижу, согласны. Тогда разбирайтесь по парам. Какая пара первой определится, будет и в игре первой.

– Нам определяться не надо, – уверенно заявила матрона. – Так ведь, Лиза?

– Так, Евдокия Петровна.

– Тогда внимание! Уважаемые дамы и милые мадмуазели... Мы начинаем игру. Пары, пожелавшие играть, прошу положить на середину стола по одному рублю. Та-ак... Всего 4 рубля и значит 4 пары. Добавлю, что каждый удачный ответ оценивается в полставки, то есть 50 коп. Отсюда максимальное количество вопросов может быть восемь. Евдокия Петровна и Вы, Елизавета...

– Петровна...

– Подвиньте стулья поближе к столу, приготовились... Первый вопрос: в какой сказке спрашивают «Кто на свете всех милее, всех румяней и белее?» Ответы: в сказке Перро...

– В сказке Пушкина «О мертвой царевне и семи богатырях»! – перебила матрона. – У Вас что, все вопросы такими легкими будут?

– Нет, нет, Евдокия Петровна. В этой игре первые вопросы бывают обычно разминочными или шутейными. Итак, ставлю вашей паре 10 очков. Теперь вопрос второй: какой город находится ближе к Красноярску – Томск, Енисейск или Канск? Ответы и подсказывать не надо, они перед вами.

– Какой ближе, говоришь? – напрягла брови матрона. – Томск-то точно дальше всех, а вот эти? Ты что думаешь, Лизанька?

– Канск ближе, Евдоша, я и там и там бывала.

– Так в Канск ты по железной дороге ездила, по ней, конечно, быстрее, вот тебе и показалось, что ближе.

– Нет, я перед поездками карту специально смотрела и запомнила.

– Ну, смотри, Лизавета, проиграем – должна мне 4 рубля останешься...

– Не останусь. Наш ответ: Канск.

– Ду-дум! Ответ правильный! Вашей паре присуждается 20 очков.

– Ну, молодец, сестрица, выручила...

– К третьему вопросу на тему «Животные» готовы?

– Давай, издевайся...

– Вопрос третий: какое из этих животных – рысь, соболь и росомаха – не относится к семейству куньих?

– Вот ты вопросы стал задавать какие каверзные... Откуда ж нам знать, мы ведь не охотники...

– Зато модницы и шубки соболиные-то имеете?

– Я знаю, что соболь относится к семейству куньих, – задумчиво произнесла Елизавета Петровна. – Но вот рысь и росомаха... Хоть бы знать, как росомаха эта выглядит...

– Напоминаю, что вы можете либо взять помощь «зала», либо исключить неверный ответ, либо...

– А давай-ка исключи, останется то правильный?

– Конечно. Вы, Елизавета Петровна, согласны? Тогда исключаю росомаху и остается рысь – именно она принадлежит семейству кошачьих! Таким образом, у вашей пары уже 30 очков! Как насчет четвертого вопроса?

Вдруг из спальни Елены Михайловны в гостиную вышли две счастливые женщины (мать и дочь) и тут же с недоумением остановились, застав все общество в полном увлечении непонятно чем.

– Вот! – с сердцем промолвила Евдокия Петровна. – Только разыгрались! Очередь-то наша! Что же будет с нашей ставкой?

– Не волнуйтесь, я дам вашей паре доиграть, когда выйдете от мамы... Хорошо?

– Ну, если так... Пойдем, Лиза.

Однако в этой игре приз так и не был разыгран: вторая пара поспешила и дала неверный ответ уже на втором вопросе, третья засыпалась на четвертом, четвертая дошла до пятого и была вынуждена прервать игру, так как ей тоже пришла пора идти на прием к чудо-швее. Вернувшиеся же сестры продолжать игру не пожелали, но настоятельно пригласили Сергея Андреевича посетить (вместе с мамой и сестрой) вечером в воскресенье подворье Кузнецовых.

– Там и организуем снова эту замечательную игру в большом обществе, да и ставки сделать можно побольше», – посулила Евдокия Петровна. – Деньги же с кона себе возьми, Сергей Андреевич – заслужил.

– Да, да, – согласились прочие дамы. – Развлек нас на славу. Большой выдумщик. Даже ведь не готовился, все на ходу...

Вечером, когда за столом собралось все семейство, совершенно замотанная, но счастливая Елена Михайловна и старавшийся быть сдержанным Сергей стали попеременно делиться своими дневными достижениями и заработками, а пропустившая все основные домашние события гимназистка Катя крутила головой и восторженно ахала. Особенно она возбудилась при виде кучи ассигнаций и мелочи, высыпанных на стол: при подсчете дневной доход семьи оказался близок к 25 рублям! Это ли не счастье?

Полный шквал благодарностей обрушился на Карцева, когда они с Сергеем, наконец, уединились.

«Вы не представляете, что для нас сделали! – восторгался Городецкий. – Мы одним рывком выбрались из нищеты... А дальше будет еще денежнее, надежнее... Да и люди нас стали замечать, в гости наперебой заывают, протекцию готовы составить! И все благодаря Вам!

«Один из основных принципов и в нашем веке: помоги хорошему человеку, а завтра другой хороший человек или тот самый поможет тебе. Элементарно».

«Помогать людям меня учили и отец и мама, но когда пришли тяжелые времена, реальную помощь мы получили только от Вари, нашей кухарки. Но много ли она может? Вы же про-

сто совершили волшебство, найдя массу скрытых возможностей... И заставив нас поверить в свои силы».

«Будя, будя. Так и было задумано, для того я и подселился к тебе. Главные достижения ждут нас впереди, но их надо скрупулезно подготавливать. На этом пути, кстати, не помешала бы помощь друзей. Есть они у тебя?»

«Есть ребята, с которыми я дружил в детстве – в основном, наши, уличные. Но последние годы в связи с учебой в гимназии и в институте я от них как-то отдалился. Видимся, конечно, но обычно кратко, на бегу».

«Их можно назвать людьми достойными, надежными?»

«Уверен за троих, но они стали рабочими в железнодорожных мастерских, а там настроения, в основном, социалистические. Четвертый теперь приказчик в отцовской лавке, хоть ему там и не нравится. С пятым же я учился в гимназии: он пытается стать музыкантом, играет на фортепьяно, гитаре, а сейчас в духовом оркестрике на похоронах и свадьбах подрабатывает...»

«Ладно, по моим задумкам они нам ближе к лету могут понадобиться... А что, кстати, у тебя с девушками: были, есть или относишь на будущее?»

«Это не Ваше дело, Сергей Андреевич!»

«Как это не мое? Еще как мое... Впрочем, судя по косвенным признакам, наиболее верно третье предположение...»

«А вот на этот раз и Вы не всеведущи: у меня даже невеста была...»

«То есть числилась в невестах, а когда ты в Питер уехал, благоразумно вышла замуж?»

«И тут Вы допустили две ошибки: мы расстались с Наташей еще весной прошлого года и замуж она не вышла...»

«Тебя все-таки дожидалась? Или не шибко хороша собой?»

«Не уродина, как Вы думаете! Ей уже два предложения делали...»

«Значит, если ты к ней подойдешь, она может сменить гнев на милость?»

«Нет, не значит. Она давно любит другого человека...»

«Надо же какие страсти! Из-за этого и поссорились?»

«Да. Прекратите меня выпытывать!»

«Слушай еще одну банальную истину 21 века: пытаясь скрыть сильное чувство, мы загоняем его вглубь родного организма, который протестует и мстит, инициируя заболевание того или другого органа: желудка, печени, почек или сердца... Поэтому выплесни эту эмоцию вовне, пожалуйся или просто расскажи другому человеку: твоему организму это необходимо! Учти, я совсем не шучу, такое воздействие эмоций – установленный и многократно подтвержденный научный факт. Хорошо, отложим пока разговор о девушках. Чем же тогда займемся?»

«А можно я еще к Вашей визуальной памяти подключусь и посмотрю на технические достижения вашего мира?»

«За ради бога! Я на твоём месте тоже бы от этого зрелища долго не отрывался...»

Глава пятая. Дебют в красноярском обществе.

К следующему воскресенью семейство Городецких готовилось со всем тщанием. Елена Михайловна сшила Катеньке из зеленовато-голубого муслина длинное платье с многочисленными сборками, пояском, рукавами-буфф и небольшим, пристойным декольте – однако в скроенный ею бюстгальтер были вставлены две симметричные подушечки, отчего и так приподнятая грудь юницы стала казаться достойной внимания. Очень украсила Катеньку и необычная асимметричная прическа, при которой одно ухо и шея с правой стороны были открыты, а на левой стороне оказалась пышная темная коса, скрученная в кисейном мешочке, расшитом бисером. Наряд дополнили изящнейшие туфельки из зеленой замши на высоком каблучке, которые вне очереди соорудил все более благодарный Евлампий Прошин.

Получил обновки и Сереженька в виде настоящего черного смокинга, сшитого в ателье Софьи Пантелеевны авансом (в счет будущих совместных доходов с уникально даровитой Еленой Михайловной), белоснежной сорочки с пластроном, а также лакированных туфель от того же Прошина. Увидев его при полном параде, да еще модно стриженного, ахнула даже Катенька, а у Елены Михайловны на ресницах задрожали две горделивые слезинки: какого красивого сына родили они все-таки с бедным Анджеем...

Сама Елена Михайловна обновок себе шить не стала, так как у нее сохранилось от прежней счастливой жизни платье черного бархата, не раз, конечно, надеванное. Однако, когда она вышла в этом платье и бархатных туфлях «от Прошина» из спальни в гостиную, «вселенец» Карцев чуть не взвыл от восторга. Впрочем, реципиент его эмоцию пропустил, потому что и сам ощутил подъем чувств при виде столь эффектной дамы, в которую преобразилась его родная маменька.

«А ловко все же бюстгальтер под платьем сидит...» – стал грубовато маскироваться от юноши Карцев.

«Да, – согласился Городецкий, – значительно лучше, чем в корсете. Вид такой подтянутый, прямо Диана-охотница! Никакой дополнительной рекламы не надо: у Кузнецовых тетки приглашенные «мама» увидят и тоже все к ней прибегут...»

Эффект уменьшила повседневная верхняя одежда, которую пришлось надеть в связи с наступлением октябрьской прохлады, но на новую достаточных денег они еще не заработали. Хорошо хоть обувь осеннюю Прошин им тоже спроворил.

В соответствии с договоренностью первый визит Городецких был дневной, к Кудрявцевым. Велико же было удивление милейшего Егора Федоровича, когда в прихожей его дома стали «вылупляться» из невзрачных пальто шикарные светские люди! Когда его первая оторопь прошла, он кинулся с поцелуем к ручке Елены Михайловны, заговорил торопливо, повлек в гостиную, восклицая «Соня! Сонечка! Выйди же сюда!». Один за другим в гостиную (преобразованной по случаю данного визита в столовую) стали появляться домочадцы и тоже ахать или просто умильно улыбаться – в зависимости от степени знакомства с членами семейства Городецких...

Впрочем, обед у редактора прошел для Карцева вполне ожидаемо. Почти сразу Егор Федорович объявил, что повесть о жизни старателей на Аляске чудо как хороша, все сотрудники газеты ее прочитали и сошлись на том, что она произведет у красноярцев большой фурор. Отдельно он расхвалил работу переводчика («у Вас, Сергей Андреевич, американцы получились почти как наши, русские, и это хорошо!») и обрисовал обедающим лучезарное будущее Городецкого и красноярской «роман-газеты». Однако вскоре тему разговора сменила хозяйка, подступившая с вопросами к Елене Михайловне («правда ли, что Вы раздобыли где-то модные фасоны женского белья и сами их шьете?»... «нельзя ли нам тоже их заказать?»). Ответ был дан положительный, и обрадованные фемины клана Кудрявцевых (числом четыре) стали выпытывать подробности этих фасонов... Егор Федорович пришел в смущение, стал было возражать (в том смысле, что за столом надо соблюдать приличия и отложить обсуждение фасонов до кулуаров), но с ним домочадцы привыкли, видимо, не особо считаться.

Тем более, что вскоре в эти обсуждения был вовлечен и Сергей, представленный основным инициатором модных новаций. «Причем тут я? – пытался протестовать он. – Я лишь нашел журнал...» – но женщины предпочли иметь дело с живым носителем нового. «Вы нарисуете нам после обеда какую-нибудь футуристическую вещь? Платье, например, или шляпки?»... «А модные прически там тоже есть?»... «А сумочки...»... «А обувь...»... В общем, после обеда гости были взяты плотно в оборот: Сергей рисовал «умеренно футуристические модели», Елена Михайловна объясняла преимущества и прелестные сюрпризы бюстгальтеров, а Катя, улучив момент, увела в детскую двух младших девочек и там, вероятно, продемонстрировала свои обворожительные трикотажные трусики...

Через какое-то время Егор Федорович (тоже все-таки увлекшийся новинками) узнал, что Городецкие должны быть сегодня на званом вечере у Кузнецовых и что Сергей представит обществу новую салонную игру.

– Так вот в чем дело! – вновь воскликнул он. – Мы с Сонечкой тоже приглашены, что бывает достаточно редко – только если им надо, чтобы события вечера получили освещение в моей газете. Но Вы-то, Сергей Андреевич, каковы: кругом сеете новинки...

– Сам себе удивляюсь, Егор Федорович, – без лишней скромности заулыбался новатор. – Видимо, это тот самый переход количества в качество, о котором писал Гегель: я много читал в отрочестве и многим интересовался в Петербурге...

– Ну, хорошо. Не буду выпытывать у Вас заранее, что это за игра. Но после, если я не все пойму на вечере, обещайте растолковать: мне ведь о ней придется писать очерк... Да, вот еще: я обещал заплатить Вам аванс за повесть и приготовил некоторую сумму... Боюсь только, она недостаточно солидна...

– Егор Федорович... У нас с Вами, вроде бы, не разовое сотрудничество намечено. Сколько дадите сейчас, все будет хорошо. Вот пойдут доходы от публикации – и дополните.

– Да, да. Вы не представляете себе, скольких расходов требует издание газеты. Иногда концы с концами совершенно не сходятся. Но Ваша идея с «роман-газетой», думаю, окупится сторицей. Скорей бы наступило следующее воскресенье, когда я опубликую ее первый номер, с началом Вашей повести...

– Кстати, Егор Федорович, а не стоит ли во всех номерах этой недели дать анонс предстоящего выпуска «роман-газеты»? Чтобы она сразу была раскуплена?

– Точно! А я ведь об этом не подумал. Обязательно поместим. А может, краткие выдержки стоит опубликовать?

– Стоит, еще как стоит. Читатель должен быть в предвкушении...

К Кузнецовым семья Городецких явилась после шести вечера, с намеренным опозданием на двадцать минут, на котором настоял Сергей (с подачи Карцева). Дом Кузнецовых поразил их сразу с прихожей. Что это была за прихожая! Обширный высокий зал с рядом окон «в рост» по фасаду, паркетным полом, уставленным кадками с разнообразными пальмами и разрозненными стульями, множеством зеркал (тоже в рост) на стенах и обширном гардеробе и, в довершении ансамбля, черным лакированным роялем!

На входе их встретила миловидная прислуга в аккуратном, не без изящества, фартучке, помогла с раздеванием, развешала пальто и рассортировала по ячейкам обувь. После того как гости оглядели себя в зеркалах и поправили прически она же (разузнав у Елены Михайловны фамилию и статус их группы) провела их к дверям во внутренние покои дома, открыла их настежь и звучно объявила: – Семья Городецких!

После чего гости не без робости вошли гуськом в столь же обширную гостиную, где в креслах и на диванах сидело с десяток дам и несколько мужчин (среди них Кудрявцев). Тотчас с дивана поднялась хозяйка дома, то бишь Евдокия Петровна, одетая в шелковый халат, завязанный на спине и затканный яркими бабочками, на основании чего этот фасон получил в среде красносельских дам название «кимоно».

– Елена Миха-айловна! Дорогая! – раскрыла радушные объятия хозяйка. – Вас просто не узнать! Какой шик, светский стиль... Мне сразу стало неудобно за свой домашний вид...

– Простите меня, Евдокия Петровна... Я знала, что на Ваших вечерах не принято сверкать нарядами, но на данное время это мое единственное приличное платье. Впрочем, я постараюсь в ближайшее время расширить свой гардероб и появляться в одеждах, подходящих каждому случаю...

– Не сомневаюсь. Вы такая мастерица... Кстати, – понизив голос, шепнула хозяйка, – Вы обратили внимание, что у меня под кимоно бюстгальтер?

– Конечно. Как и у меня под платьем. Правда, удобно?

– Исключительно удобно. Но простите...

И хозяйка оборотилась к Сергею.

– Сергей Андреевич! Вы совершенный денди, светский хлыщ! Такое впечатление, что всю жизнь носили только смокинг! И бальные туфли!

– Это моя спецодежда на сегодняшний вечер, – чуть покраснев, парировал Городецкий. – Если, конечно, Вы не передумали играть в ту детскую игру...

– Нет, нет, обязательно сыграем. Я оповестила уже большинство своих приятельниц. Но они, как всегда, тянутся... А эта барышня – Ваша дочь, Елена Михайловна?

– Да, это моя Катенька...

– Ну, ее в пору уже Катериной Андреевной величать, почти взрослая девица. Вон как бюст-то обозначился... Ох, Катенька, прости, не смущайся...

– Господин и госпожа Гадаловы! – вдруг объявила от дверей служанка.

– Верочка! – вновь раскрыла объятия Евдокия Петровна. – Петр Иванович! Рада, что вы откликнулись на мое приглашение. Вы всех здесь знаете, кроме, пожалуй, семьи Городецких, у которых сегодня что-то вроде бенефиса в нашем кругу... Итак, Елена Михайловна и ее дети: Сергей Андреевич и Екатерина Андреевна. Прошу любить и жаловать.

– Я примечал Елену Михайловну в нашем магазине, – молвил Петр Иванович, прекрасно одетый, почти светский человек, но безусловный торговец. – Счастлив познакомиться лично.

– И я рада, – жевнула губами дама в строгом глухом платье из вишневого бархата, отчего казалось, что ей уже за сорок.

Господин и госпожа Серебрянниковы! – оборвала знакомство вещунья.

Сергей обернулся на вход и позвоночник его на мгновение оцепенел – так хороша была моложавая, статная, улыбчивая дама при высоком господине в до горла застегнутом сюртуке. Евдокия Петровна вновь защебетала, стала, видимо, и тех знакомить с Городецкими, а он смотрел и смотрел, не в силах отвести глаз от искрящихся радушием очей замужней женщины.

«Что, дружок, обалдел? – поддел Городецкого Карцев. – Вот они какие бывают, красавицы-то... Знаешь что чужая, что тянуться к ней нельзя, но сердцу не прикажешь... Хорошо, что я у тебя есть и приказать вполне могу; все, брысь, отвернулся и смотришь на любых других дам. Среди них ведь тоже есть хорошенькие – например, во-он та, в кресле под пальмой...»

Тем временем гости все прибывали и почти заполнили всю немалую гостиную. По знаку хозяйки вошли слуги с подносами, на которых стояли бокалы с шампанским и рюмки с коньком и водкой, а также горой лежали бутерброды: с икрой, красной рыбой, сервелатом, сыром и огурцами... У Карцева вдруг прорезался жуткий аппетит, но застенчивый Сергей взял лишь один бутерброд.

«Нас же двое, не забыл? – почти взвыл подселенец. – Возьми два и коньяк для меня!»

«Ага, пить будешь ты, а пьянеть я?»

«Да что тебе станет, с одной рюмки?»

«Может стать, я уже пробовал... К тому же скоро наш выход, наверное»

И в самом деле, после того как общее оживление, связанное с выпивкой и перекусом, пошло на спад, Евдокия Петровна вышла на середину гостиной, к средних размеров столу и объявила:

– А сейчас состоится основное действие нашего вечера: новая салонная игра, которую нам привез из Петербурга Сережа Городецкий. Как, Сереженька, Вы готовы начать?

– Готов. Игра заключается в правильном ответе на мои вопросы из трех предложенных мной же вариантов. Просьба зрителей без моего призыва не подсказывать. Правила я, наверное, буду объяснять по ходу игры, а начать ее предлагаю вам, Евдокия Петровна и Елизавета Петровна – вы-то с игрой уже знакомы...

– Конечно, конечно. Так ведь, Лизанька? На кон мы предлагаем поставить от всех присутствующих по 5 рублей. Ведущий и его домочадцы не в счет.

Глава шестая. **Продолжение дебюта.**

Спустя минут десять все расселись: за столом играющая пара и ведущий, прочие вокруг – слуги всех сиденьями обеспечили.

– Простите – спохватился Сергей, – в банке денег достаточно много, но и желающих поиграть тоже, поэтому правила выплаты призов надо бы изменить. При правильном ответе на вопрос паре будут начисляться 5 рублей, но получить она может только 25 рублей, после 5 правильных ответов – это первая несгораемая сумма. При дальнейшей игре цена вопроса возрастет до 10 рублей, но получить будет можно только 50 руб – после ответа на 10-ый вопрос. Ответы на вопросы с 10 по 15 будут стоить по 20 руб, но получить еще 100 руб будет можно сами понимаете когда...

– Так первые все и загребут – хохотнул господин Гадалов.

– Если это случится, мы от души им поаплодируем, – улыбнулся Сергей. – Так как бывает это редко.

– А если они ошибутся? – задала вопрос сногшибательная Серебрянникова.

– Для них игра окончится. Зато начнет другая пара, – заставил себя не смущаться Сергей.

– Итак, Евдокия Петровна и Елизавета Петровна, детская загадка: – Зимой и летом одним цветом. Варианты ответа: заяц, волк и белка.

– В загадке елка обычно... – не удержалась старшая Кузнецова.

– Волк, – выпалила младшая.

– И это правильный ответ! – громогласно изрек Городецкий. – Ко второму готовы?

– Готовы, – кивнули дамы.

– Какие из этих грибов бывают ядовиты: лисички, маслята или волнушки?

– Ни те, ни другие, – опять нахмурилась Евдокия Петровна. – Это поганки да мухоморы ядовиты...

– Волнушки, наверное, – растерянно сказала Елизавета.

– Не чувствую уверенности в ответе. Может, возьмете помощь зала?

– Волнушки... – тихо повторила Лиза

– Не слышу, – построжел Сергей.

– Ладно, Лиза, – встряла Евдокия. – Попросим ответить гостей.

– Итак, – возвысил голос Городецкий-Карцев. – Кто из присутствующих считает, что ядовитыми бывают лисички? Никого... А маслята? Двое... Волнушки? Больше десяти... На чем остановитесь, госпожи Кузнецовы?

– Видимо, волнушки, – пожала плечами Евдокия Петровна. – Хотя я за жизнь ни разу ядовитых волнушек не встречала...

– Это правильный ответ, – объявил Сергей. – Об этом можно прочесть в кулинарной книге госпожи Штольц, перепечатка Красноярского издательства, 1900 г. Идем дальше?

– Идем, – вяловато согласились сестры.

– Как известно, ревнивые мужья мечтают одеть своих жен в паранджу. А что такое паранджа: головной платок с волосной сеткой, покрывало до пят или халат с накидкой и сеткой?

– Паранджа... – задумчиво произнесла Евдокия Петровна. – А есть еще чадра...

– Вот чадра – это платок с сеткой, – решительно заявила Елизавета. – Покрывало закрывает все тело, но бесформенный халат с сеткой на лице еще лучше. Паранджа – это халат. Ты как считаешь, Дуся?

– Так же, – важно согласилась старшая.

– Браво. Блестящее рассуждение и правильный ответ. Но денежки еще в банке. Четвертый вопрос?

– Да.

– В дополнение к опере или взамен возникла оперетта. Одна из наиболее популярных – «Орфей в аду». Кто же автор этой оперетты? Варианты...

– Без вариантов, Жак Оффенбах, – заявила Евдокия Петровна. – Я ее слушала в Пари-опера.

– Минус мне, – повинулся Городецкий-Карцев. – Я не знал, пока не прочел в «Музыкальном обзоре». Тогда контрольный пятый вопрос?

– Давайте, – воодушевились дамы.

– По переписи населения разных стран установлено, что самым многочисленным городом Земли является сейчас Лондон. Но сколько в нем все-таки жителей? Варианты: около 2 млн. чел; около 4; около 6. Вопрос непростой, а на кону несгораемая сумма и потому напоминаю, что у вас есть еще 2 подсказки: 1) можно убрать один неверный ответ и 2) можно обратиться к присутствующему здесь авторитетному человеку, который даст свой вариант.

– Уберите один неверный ответ, – сказала Евдокия Петровна.

– Вы согласны, Елизавета Петровна?

– Дуся, все равно придется выбирать с вероятностью 50%. Я бы попросила лучше ответить брата, Иннокентия... Верю, что он знает ответ.

– Ладно, ответь Иннокентий Петрович, – уступила старшая сестра.

– По переписи 1900 г в Лондоне проживало более 6,5 млн. человек, – четко ответил высокий, слегка обрюзгший шатен с внимательными глазами на значительном лице и типичной интеллигентской бородкой.

– Да-да-да-да! Первая несгораемая сумма, 25 рублей, ваша, госпожи Кузнецовы! Хотя все висело на волоске. Теперь к новой вершине? Шестой вопрос?

– Конечно, – хором сказали сестры

– Он тоже больше касается Англии... Кто из венценосных женщин дольше правил своей страной: наша Екатерина Великая, Виктория Британская или Елизавета Английская из династии Тюдор?

– Сколько себя помню, Великобританией правила и правила королева Виктория, – раздумчиво сказала Евдокия Петровна. – У нас три императора сменилось, а она только-только померла. А Екатерина сколько правила, Лиза?

– В 1762 провела переворот, а в конце века ее сменил Павел. Лет 35, не больше.

– А Елизавета Тюдор? В шестнадцатом веке которая, королева-девственница?

– Да были у нее увлечения, мужа только не было. Тоже долго правила, при ней Англия в силу и вошла, Испанию на море разгромила. Но я тоже к Виктории склоняюсь.

– Итак, ваш ответ?

– Виктория.

– Опять в точку! Я начинаю подозревать, что господин Гадалов прав – вы настроены на весь банк. А у меня заготовленный седьмой вопрос совершенно дамский. Декольте, как известно, изобретение французское и впервые появилось в Бургундии 14 века.. Но в какую эпоху оно было наиболее открытым: при Людовике 14-том, во времена Наполеона или в Бургундии?

– Где ваша скромность, господин отставной студент? – с напускной серьезностью отчитала Сергея Евдокия Петровна. – Вот станете солидным мужчиной, с опытом по женской части – тогда такие вопросы и задавайте!

– Одно из правил данной салонной игры предусматривает обязательное чередование вопросов серьезных, познавательных и полушутливых, каверзных – для увеселения слушателей. По-моему, присутствующим мужчинам интересно узнать, каковы были пределы приличий у женщин прошлых эпох?

– Для удовлетворения этакой любознательности есть курительная комната. А мы всяких неприличностей слушать не желаем и гадать на эту тему тоже!

– Искренне прошу прощения. Тогда спрошу вот о чем: по мнению некоторых кругов в Петербурге через год-два может случиться война России с Японией... Да-да, слухи упорные, наше ускоренное освоение Маньчжурии и древней родины японцев, Кореи, японскому императору не по душе. А что мы знаем о Японии и японцах? Что они почти все маленького роста и наши солдаты смогут их накалывать на штык по трое? Между тем, Япония имеет современный флот, построенный на европейских верфях по последнему слову техники, обученную и вооруженную американцами большую армию и невероятную отвагу всех солдат, воспитанных в самурайском духе. Дух же этот иллюстрирует следующий вопрос: что обязан сделать самурай (по-нашему дворянин), если он вызвал неудовольствие своего дайме (то есть князя). Варианты ответа: Утопиться. Удаться. Взрезать кинжалом себе живот.

– Вы это серьезно, Сережа? – потрясенно спросила Елизавета Петровна. – Просто вызвав неудовольствие?

– Да. Например, уронив меч во время построения, допустив брызги со дна чашки при наливании чая длинной струей из чайника или посмотрев в глаза жене князя или его дочери... Я уж не говорю о некачественном исполнении поручения князя.

– Дикость какая, хуже чем у монголов во времена Чингис-хана...

– Да, нам понять японцев трудно. Однако солдат, исповедующих такой дух, можно победить, только перебив их всех на поле боя. Отступают они лишь по приказу. Итак, ваш ответ?

– Следуя японской логике, чем больнее, видимо, смерть, тем лучше – стала отвечать та же Елизавета Петровна. – Значит, резание живота.

– Именно так, дорогая госпожа. Такой акт называется харакири, и он является одной из основных причин высокой смертности в среде самураев. Многочисленны также были дуэли на мечах.

– Были? Сейчас, значит, уже нет?

– Да, самураев в традиционном виде в Японии не осталось. Но многие офицеры японской армии мнят себя их потомками, имея церемониальную катану, то есть меч. Она похожа, кстати, на чеченскую шашку-гурду. Такая же сверхострая...

– Откуда Вы, Сергей Андреевич, без году неделя, все это знаете? – спросила все еще сердитая на него Евдокия Петровна.

– В Петербурге я попал в компанию к старшекурсникам, среди которых многие были большими оригиналами и разносторонне увлеченными людьми. Вот у них и нахватался...

– Там, значит и про женские наряды и привычки все выяснили?

– Да, – просто ответил Городецкий. – Студенты много говорят о женщинах.

– Вместо того чтобы учиться?

– Наряду с учебой. Так что, очередной приз выигрывать будете?

– А как же, – уняла негодование старшая дама. – Деньги немалые, тебе, поди, месяца два за 50 рублей надо в архиве над бумагами корпеть...

– Примерно так. Я, правда, еще подрабатываю...

– Что, на дом бумаги берешь переписывать?

– Он, Евдокия Петровна, – встрял-таки Кудрявцев, – в моем издательстве новую газетную форму внедрил, «роман-газета» называется... И сам эту газету пока заполняет: публикацией своего перевода американской повести о золотоискателях... Очень увлекательная повесть, господа, первый номер с ее началом мы выпустим в следующее воскресенье.

– И тут успел Сергей свет Андреевич! – воскликнула Евдокия Петровна. – Я же вам говорила, у меня на необычных людей просто нюх!

– А что за автора Вы перевели, Сережа, кого-нибудь известного? – доброжелательно спросил Иннокентий Петрович.

– Джека Лондона. Но, он, видимо, еще слабо известен – его книжку, изданную малым тиражом, привез в Петербург какой-то американец, а потом она оказалась у одного из тех самых

старшекурсников, он по ней осваивал американский диалект английского языка. Мне же она просто понравилась – в основном, как образец человеческих отношений.

– Что ж, будем ждать первого выпуска «роман-газеты», авось удивят наших бывалых золотоискателей Джек Лондон и Сергей Городецкий, – подытожил господин Кузнецов.

– Как то сильно мы от игры отклонились, – сказал Сергей. – Восьмой вопрос разыгрывать будем?

– Будем, будем! – воодушевилась Елизавета Петровна. – Задавайте, задавака...

– В любом классическом оркестре есть группа смычковых инструментов, которые мы знаем под названиями скрипка, виолончель, контрабас и альт. А в Италии есть скрипичный инструмент виола, который соответствует одному из вышеперечисленных. Впрочем, контрабас мы отбракуем. Итак, вопрос понятен?

– Мне кажется, это скрипка и есть, – стала размышлять Елизавета Петровна. – Там же нет слова «скрипка», зато есть «виола».

– А слово «виолончель» тоже итальянское? – остановила ее Евдокия Петровна. – Или оно составное и «чель» взялось с другого языка? Тогда виола может быть виолончелью...

– «Че» – типично итальянская частица слов, – необдуманно встрял Иннокентий Петрович.

– Прошла подсказка от зрителя, – со скорбным выражением лица констатировал Городецкий. – Я как ведущий обязан спросить других зрителей: заменить мне вопрос или позволить игрокам отвечать дальше?

– Да что уж это за подсказка... – проворчал Гадалов.

– Другие мнения будут? – настаивал Сергей.

– Пусть играют, – попросила великолепная Серебрянникова. – У них так хорошо получается...

Остальные промолчали.

– Вообще-то теперь ясно, что виолончель – итальянское название, – сказала Елизавета Петровна. – И второе итальянское название одного инструмента маловероятно. Значит, я права: виола – это скрипка!

– Про альт совсем забыла? – возразила старшая сестра. – Уж это слово вряд ли итальянское. Пожалуй, оно немецкое.

– Но если виола – это альт, как же по-итальянски скрипка-то называется?! – почти вскричала младшая.

– Напоминаю, – вмешался Сергей, – у вас есть однократное право на ошибку. В итоге как виолу из двух вариантов не назовете, все равно пройдете дальше.

– До чего игра хорошая, – рассмеялась Евдокия Петровна. – То тут, то там есть увертки... Тогда скажем: альт!

– Скрипка... – прошелестела Елизавета Петровна.

– Последнее право вы использовали, – завершил семейную перепалку Сергей, – принимают оба ответа, но правильный из них – альт. Скрипка же по-итальянски называется нежно: виолина.

– Так ты и итальянский что ли знаешь, Сергей Андреевич? – не показушно удивилась Евдокия Петровна.

– Что Вы, в словаре Брокгауза и Ефрона прочел, когда готовил вопросы...

– Настоящий энциклопедист, – одобрила хозяйка дома. – Другой вряд ли бы такие вопросы смог подготовить... Разве что Иннокентий наш, гробокопатель Минусинский и Красноярский...

– А вот вопрос девятый, – вернул сестер в лоно игры Городецкий-Карцев. – О рыбке золотой. Знаете такую?

– Слышать слышали, а видели только на картинке к сказке Пушкина, – честно призналась Евдокия Петровна.

– Напомню, что этих красивых рыб с золотистой чешуей и красным хвостом развели в Китае для украшения императорского бассейна. Впрочем, в средние века пройдошистые мандарины наладили их продажу некоторым азиатским и европейским монархам – за очень большие деньги. Теперь вопрос: путем селекции какого вида природных рыб удалось создать такую чуду-юду? Варианты: форель, окунь или карась.

– Неужели не форель? – почти шопотом произнесла Елизавета Петровна. – Красавица форель и жалкие карась и окунь...

– Вот всю жизнь ты за одной красотой тянулась, – не сдержала упрека Евдокия, – а теперь сидишь тут да в игры играешь...

– С тобой на пару, – вернула упрек Елизавета. – Две бобылихи...

– Включаем рассудок, – ввернул Сергей. – Игра эта как бы интеллектуальная...

– Тогда карась или окунь, – встрепелась Елизавета, – раз в стоячей воде дворцового бассейна смогли жить.

– У карася чешуя крупнее, чем у окуня, – добавила Евдокия. – И цвет ее бывает золотистый.

– Так что, карась?

– Подсказок больше нет и сомнения недопустимы, – решила Евдокия. – Карась!

– Вот это молодцы, хоть и дамы! – разулыбался Сергей. – Карась!!

– Ура-а! – воскликнули помолодевшие сестры и кинулись обниматься.

– А вот это преждевременно, – остудил их пыл ведущий. – Десятый вопрос стоимостью в 50 рублей еще перед вами. Будете бороться?

– Еще спрашивает, – удивилась Евдокия Петровна, – Задавай.

– Тогда вот преамбула к вопросу. Во все времена и во всех государствах существовало имущественное, и, как следствие, политическое неравенство граждан – что порождало недовольство масс, потом ненависть к олигархам и властепредержащим, а кончалось все бунтами или революциями. Яркий пример – французская революция, завершившаяся деспотическим правлением Наполеона. Многим казалось и теперь кажется, что это неравенство в природе человеческого общества, а иные говорят: от Бога. Но в древней истории Средиземноморья есть замечательный пример государства, в котором все граждане и по закону и по существу обладали совершенно одинаковым имуществом и более или менее равными политическими правами. Просуществовало это государство в таком режиме более 300 лет. Вопрос: что это за государство? Варианты: Иудея, Карфаген, Спарта.

– Откуда ты это взял, Сергей Андреевич? – ожидаемо удивилась Евдокия Петровна. – Что за ересь?

– В трудах одного из историков древности. Точнее не скажу, это будет уже подсказка.

– Так это, и правда, возможно? – просяла Елизавета Петровна. – Вот здорово!

– Да где ты богатства столько возьмешь, чтобы все жили хорошо? – возмутилась Евдокия Петровна.

– Предметы роскоши и вообще обогащение в этом государстве были запрещены законом, – добавил Городецкий. – Справедливости ради стоит сказать, что там жило много рабов, которые и трудились на благо граждан.

– Так это другое дело! – заулыбалась старшая сестра. – В это можно поверить. Впрочем, лично я без предметов роскоши чувствовала бы себя неуютно.

– Отвечать будем? – нажал ведущий.

– Про Иудею я помню, что там правил царь Ирод, – начала рассуждения Елизавета Петровна. – А он точно погряз в роскоши и многих младенцев перебил...

– История Иудеи была долгой, – заметил Сергей. – Там правили и более достойные цари – например, мудрый Соломон или храбрый Давид...

– Про Карфаген я знаю, что он долго боролся с Римом, – подключилась старшая сестра, – но бог знает, какие там были порядки...

– Про Спарту я больше помню! – обрадовалась вдруг Елизавета Петровна. – Спартанцы все время воевали и почти всех побеждали, даже персов. Они не терпели многословия и выражались кратко, лаконично: «со щитом иль на щите!» – сказала мать сыну, уходившему на войну. Они весь день были заняты: упражнялись с оружием, обучали молодежь, обсуждали на форуме текущие гражданские или политические дела... Домой приходили только переночевать – вот ужас! Но вообще-то довольно симпатичный был народ, очень честный. Наверное, они могли организовать государство гражданского равенства...

– А вы, Евдокия Петровна, что еще скажете?

– Пожалуй, Лизанька права, я тоже про эту Спарту вспомнила. Всю Грецию покорили, но в конце концов кто-то их одолел.

– Значит, Иудею и Карфаген вы отвергаете? Что ж, подсказок больше нет, ответственность переложить не на кого. Ваш ответ?

– Спарта, – вместе сказали сестры.

– Ура! – скажу теперь уже я. – В труде греческого историка Птолемея «Биографии» описан законодатель Спарты по имени Ликург, который долго путешествовал по свету, приглядываясь к жизни в других государствах, и по возвращению в Спарту предложил собственный свод законов, по которому все свободнорожденные спартанцы были уравнены меж собой. Народному собранию на форуме эти законы понравились, и они были приняты. Там было много, конечно, несусаиц вроде железных денег размером с тележное колесо, питания всех сытной, но однообразной пищей и только в столовых, очень короткого времени на исполнение супружеских обязанностей и так далее. Но в каждом гражданине появилось чувство собственного достоинства, а мощь спартанского государства резко возросла, так что Спарта, в конце концов, стала доминировать среди многочисленных греческих государств. Крах этого государства произошел через разложение его военных вождей, которые не смогли преодолеть соблазн и вывезли из покоренных Афин предметы роскоши в собственное владение и тем породили зависть у других спартанцев, чувство неравенства, далее ненависть, разброд – а за этим тотчас пошли поражения в военных столкновениях. Добили их, как известно, македонцы, а окончательно принизили римляне.

– Какого молодца ты вырастила, Елена Михайловна! – расчувствовалась Евдокия Петровна. – Ну, теперь ты им одна владеть не будешь. Он ведь любое общество в Красноярске оживит, везде будет принят! А мы должны найти ему более подходящее занятие, чем архивное, да и более денежное, чего тут лукавить. Как вы думаете, Иннокентий, Александр?

– Что тут думать, поразил, – произнес Иннокентий Петрович. – Теперь любая дорога ему будет открыта. Но Вы ведь геологом стать хотели, Сергей Андреевич?

– И сейчас хочу, да денег пока на свое обучение не заработал.

– Это Вы в том смысле выразились, что чужих денег, в дар или в долг, принять не хотите?

– От вашего семейства, пожалуй, взял бы, но мне почему-то кажется, что я за эту осень и зиму смогу все-таки в Красноярске нужную сумму заработать, да и мама может выделить от своих нынешних доходов.

– Вот это уж верно, – встрепенулась Евдокия Андреевна. – У Елены Михайловны такие таланты белошвейные обнаружились, что она в ближайшее время сможет, видимо, свой модный салон организовать, в который мы постоянно ходить будем. И денежки ей носить.

– А что касается более денежного дела, – заговорил вдруг Александр Петрович, по-европейски элегантный, бритый господин лет пятидесяти, – милости прошу Вас, Сергей Андре-

евич, зайти завтра с утра в мою контору (где она находится, Вы ведь знаете?), а вашему старшему архивариусу я записку передам по поводу Вашей отлучки.

– Спасибо, Александр Петрович, буду с утра, – четко заверил Городецкий. И спустя небольшой промежуток времени спросил:

– Так что, Евдокия Петровна, будете бороться за 100 рублей?

– Нет, Сережа, подустали мы что-то с Лизанькой мозги напрягать. Да и повара мне сигналият, что пора гостей ужином потчевать...

Глава седьмая. Внедрение в АО «Драга»

Поздним вечером по возвращении домой (ехали в коляске, предоставленной радушной Евдокией Петровной и везли остаток от банка в количестве 125 рублей!), после восторженных охов, ахов и объятий с матерью и сестрой (как льнул к Елене Карцев, используя восторженное ротозейство Городецкого!) реципиент и подселенец оказались, наконец, одни в своей каморке.

– Вы что-то очень льнули к матушке? – задним числом обеспокоился Городецкий. – Она даже чуть оттолкнула меня.

– Что поделаешь, если она мне так нравится? И сегодня, у Кузнецовых была ярче всех – чтобы ты там ни говорил про Серебрянникову.

– Но это никуда не годится! Я требую эти поползновения прекратить!

– Так ведь и я душу имею, а она к Елене Михайловне тянется... Ладно, ладно, понимаю я все, больше не буду. Заводи поскорее себе маруху, только такую, чтобы и мне понравилась – и будем вместе наслаждаться...

– Что еще за маруху? Прекратите использовать свой жаргон! Слышали бы Вас сейчас те гости, которым Вы весь вечер голову морочили...

– Не морочил, а вел агитацию в направлении общечеловеческих ценностей. Если эти господа, хозяева жизни, себя в дальнейшем правильно поведут, то есть примутся всерьез улучшать жизнь красноярских рабочих, то может быть и не случится здесь революция, до которой всего ничего – три года!

– Да кто начнет эту революцию?

– Рабочие железнодорожных мастерских, к которым присоединятся солдаты, едущие из Маньчжурии, после поражения в войне с Японией.

– Так Вы и про войну все знаете заранее...

– Не все, через пень-колоду. Но можно узнать все, что о ней у нас опубликовано. Только это много времени займет...

– Неважно! Главное все эти подробности учесть и ход сражений изменить!

– Было бы хорошо, так как именно поражение спровоцировало первую русскую революцию. Вот только передать эти сведения военной администрации страны не представляется мне возможным.

– Просто пойти и рассказать генерал-губернатору!

– Эх, святая простота! И где ты окажешься в итоге? В доме для сумасшедших.

– Но нельзя же ничего не делать!

– Что можно сделать, я еще подумаю. И ты думай, только по-умному. Пока же наша задача – проникнуть в финансово-политическую элиту Красноярска. Глядишь, нас кто-нибудь и услышит, проникнется доводами.

– Так мы, вроде бы, уже в нее проникли...

– Первый шаг сделали, не спорю. Но дальше надо укореняться, да из младенцев в мужи перебираться. Борodu что ли отпустить?

– Нет, мне не хочется ходить с этой мочалкой!

– Ладно, я тоже, признаться, волосню на роже не люблю. Придется вводить новую моду – на моложавость! Потянем? Тогда женщинам тоже придется срочно помолодеть да вернуться к

тем самым декольте. Кстати, знаешь, до чего они доходили в Бургундии? До сосков! И потому их подкрашивали.

– Не может быть... Впрочем, с Вами я чему угодно верю...

– Ну что, проведем сеанс твоего усыпления? Твои руки тяжелеют...

В восемь утра понедельника, к началу рабочего дня у конторских служащих, Сергей Городецкий вошел в здание Красноярского золотодобывающего товарищества «Драга» на Воскресенской улице.

– Погодь, молодой человек, – преградил ему путь седой, с морщинистым лицом массивный старик в подобие виц-мундира, явный ветеран-золотоискатель. – Ты по какому делу?

– Я пришел по приглашению Кузнецова Александра Петровича.

– Так-так... Только он раньше девяти в контору не приходит, да и в девять может не быть – если в «Пароходство» зайдет сперва.

– Хорошо, я приду к девяти, – повернулся к выходу Сергей.

– Погодь. Может, тебе к Гудкову Павлу Козьмичу пройти, заместителю его – он уже здесь, раньше всех приходит.

– Нет, мне эта задержка кстати, я смогу пока у своего начальства отпроситься...

– Ну, смотри, твое дело. Гудкова-то ты все равно не минуешь – если работу пришел просить.

Александр Петрович появился в товариществе в десять и сразу увидел Городецкого, сидевшего напротив входа, с разрешения вахтера.

– О, Сергей Андреевич... Извините, что пришлось ждать, меня дела в «Пароходстве» задержали. Сложная в этом году навигация... Ну, пойдемте в кабинет, поговорим.

В кабинете, обставленном со сдержанной роскошью, их встретила молодая секретарша в длинном платье, но с разрезом на боку, доходившем до колена, и с очень скромным подобием декольте – до ямочки меж ключицами. Что, тем не менее, придавало ее облику явную эротичность.

«Эге! – подумал Карцев. – У Александра-то Петровича замашки плейбоя!»

Тем временем, хозяин кабинета, коротко поздоровавшись с Маргаритой Александровной («Поди зовет наедине Марго?»), занял начальническое кресло в торце длинного стола и показал Сергею ближний к себе стул обочь стола. Секретарша заняла полукресло за маленьким столиком с громоздким «Ундервудом» в глубине кабинета.

– Итак, Сергей Андреевич, Вы не против стать работником нашего товарищества?

– В смысле кем? – вырвалось у огорошенного таким напором просителя.

– Пока не знаю. Нам грамотные люди на всех участках нужны. Вы-то склонны больше к геологической разведке?

– Наверно, да. Хотя я знаю о шурфовке только теоретически...

– Дело, в общем-то нехитрое: наметил линию поперек долины, разбил на ней шурфы с нужным шагом, показал горнякам и потом только успевай описывать пройденные породы по уходкам (по 10 дюймов, обычно) и отдавай уходки целиком на промывку. Намытое же золото надо точно взвесить, чтобы иметь возможность подсчитать его запасы в блоке вдоль линии шурфов. Вот так в теории. А на практике это выходит работа с людьми далеко не ангельского кроя, к тому же в условиях жесткой сибирской зимы или комарино-мошкарино лета.

– Звучит жутковато. С такими людьми я не очень привык ладить...

– Признаюсь, и я тоже. Вот Гудков, мой заместитель, здесь в своей стихии: он им бог, царь и кормилец. Есть у нас и другие работы, почище: например, учитывать количество добытого золота по драгам и старательским наделам... Или планировать схемы отработки новых участков: для этой работы и ездить никуда не надо, все творится в этом здании... Деньги мы платим своим служащим высокие, хоть и не сразу, после испытательного срока.

– Я в некоторой растерянности, – сказал Городецкий. – Наверное, потому, что плохо представляю характер работ. К тому же я долго служить у вас не смогу, только до начала следующего учебного года в Петербургском горном институте...

– О, Петербург, я ведь тоже там когда-то учился. Дивная пора: товарищи, споры обо всем, попойки, гулянья с девушками в Летнем Саду или Петергофе... Завидую... А что касается работы, в нее надо просто втянуться – а там пойдет, будете планировать не хуже опытных золотарей. К тому же и от общества наших дам недалеко, которые к Вам очень благоволят и не простят мне, если я законопачу Вас на всю зиму на Удерейские прииски.

– А знаете, что мне пришло в голову? – вдруг сказал странный проситель. – Я сейчас разбираю архивы Енисейского горного округа с середины прошлого века и в них уже находил данные о золотоносных шурфовках некоторых ручьев и речек, которые, вроде бы, так и не отрабатывались...

– Интересно, – сказал Кузнецов, враз подобравшись в кресле. – Например?

– Например, на реках Тырада и Ведуга...

– А, это в Северном округе, где засели енисейцы... Мы стараемся на территории чужих округов не вторгаться...

– Есть и в Южном округе, в левой вершине Мурожной и по Тюрепина.

– Там работали прииски, но небольшие: в ручьях Васильевском и Александровском да в низовьях Тюрепина...

– Те шурфы золотоносные били в верховьях Тюрепина и на самойлевой Мурожной...

– Так-так-так. Интересные у Вас сведения, господин архивариус. Нельзя ли на них взглянуть?

– Так вот что пришло мне в голову: вы примете меня на работу неофициально, а я продолжу свои архивные раскопки, интересные сведения буду копировать и передавать вам, оправдывая свою у вас зарплату. Но если попадется что-то совсем масштабное, я хотел бы иметь с этой находки некоторое количество акций.

– Ведь, правда, вундеркинд! – воскликнул Александр Петрович. – Так и я бы, пожалуй, поступил. Одобряю и принимаю. Хотя неофициальные работники законом воспрещаются, все же опыт оформления «мертвых душ» у нас есть. Значит мне от Вас никаких документов не нужно, наши договоренности будут на словах. Однако слово сибирского купца нерушимо. Как принесете первые материалы, так я Вам и заплачу.

– Взаимно обязуюсь, – сказал, поднимаясь со стула, Городецкий.

– До встречи в салоне моей сестрички, – весело осклабился Кузнецов.

Всю оставшуюся неделю Городецкий-Карцев посвятил созданию псевдокопий старательских шурфовок по ряду речек Южно-Енисейского округа – на основе разведок 20 и 21 века, бывших в распоряжении Карцева. Часть из них намеренно затрагивала известные в 19 веке россыпи, более или менее отработанные, другая же могла вызвать интерес для старательской эксплуатации. Из крупных объектов, заслуживающих дражной отработки, он показал только уже упомянутую в разговоре с Кузнецовым долину р. левой Мурожной. По всем объектам были подсчитаны возможные запасы и среднее содержание в них золота, а также объемы вскрышных работ. Набралось более 20 объектов с суммарными запасами золота под 10 тонн, то есть 625 пудов, что превышало годовую добычу золота на всех месторождениях Енисейской тайги.

– Такой куш отдавать Кузнецову сразу и практически даром было бы глупо, – «сказал» Карцев Городецкому. – Будем дозировать с растяжкой на весь срок нашей у него работы. А по левой Мурожной поторгуюсь: все-таки под 100 пудов россыпушка. Сколько это в переводе на рублики будет?

– Сейчас я подсчитаю: тройская унция золота стоит около 40 рублей, в пуде около 516 унций, то есть он стоит 20 тысяч 640 рублей, а 100 пудов – более 2 миллионов! Это огромное богатство!

– Ну, его еще взять нужно: купить в Америке драгу, разобрать ее, транспортировать части во Владивосток или в Дальний, провезти по железной дороге до Красноярска, притащить на телегах или санях на Мурожную, собрать, отладить, запустить и лет через 5, а то и 10 она добудет пудов 80 – остальное уйдет в потери. К тому же сейчас у Кузнецова на очереди намечено драгирование более масштабных россыпей по рекам Удерей и Большая Мурожная, где разведаны тысячи пудов золота. Так что наша Левая Мурожная станет для него лишь довеском.

– Как все закрутилось и завертелось с Вашим появлением... Вот уже миллионы забрезжили...

– Думаю, больше 5%, то есть 50 тысяч рублей Кузнецов нам за Лево-Мурожнинскую россыпь не даст – и то в акциях общества «Драга», курс которых, впрочем, неплохо котируется на лондонской бирже, а в скором будущем возрастет, в связи с ростом дражного флота. Тебе на весь срок обучения хватит и еще на девочек останется...

– Как Вы можете сочетать серьезные дела с поисками низменных приключений? Какие такие девочки, когда экономический базис надо создавать, а также вмешаться в судьбы мира и войны!

– Так вот знай на будущее: человек – такая разновидность животного мира, которая с утра строит баррикаду, в обед на ней сражается (и нередко погибает), а вечером в ее недрах пьянствует и употребляет соратниц по революционной борьбе. И это хорошо и правильно!

– Нет! Я не циник и не хочу потворствовать цинику! Поищите себе другого реципиента!

– Ну, будет, будет... Другого мне не надо, а про девочек было для красного словца. Будет у тебя замечательная любовь, которую мы общими усилиями завершим браком, отчего появятся прекрасные дети, два мальчика и две девочки...

– Какими еще общими усилиями? Я в этом отношении не хочу от Вас совершенно зависеть, слышите?

– Ох, беда... В любви наломать дров и набить шишек проще простого... Сколько романтических дураков и дурочек от этой любви самоубийством кончают! Ладно, бросим делить шкуру еще неубитого медведя...

– Сравнить девушку со шкурой медведя, по-вашему, можно? Это не мы дикари получаемся, а вы...

– Все, все, убедил. Мы, и правда, все опошлили в своем мире.

Глава восьмая. Встреча с генерал-губернатором

В субботу семья Городецких получила два приглашения на воскресенье: первое от Кудрявцева Егора Федоровича на вечернюю читку первого номера Красноярской роман-газеты и второе от Гадаловых на воскресный ужин.

– Что же нам делать?! – всплескивала руками Елена Михайловна. – Обидеть Гадаловых отказом – последнее дело. Но они, верно, рассчитывают, что Сережа снова развлекать всех будет, а он к игре совсем не готовился... У Кудрявцева тоже вся читка на присутствии автора, Сережи основана...

– Мама, я думаю, Гадаловы обязательно пригласили Кудрявцевых, так что читка вряд ли состоится, – здравомысляще предположил Городецкий.

И верно: от Кудрявцева к вечеру появился посыльный, с извинениями и надеждой встретиться у Гадаловых.

– Значит, идем к Гадаловым и готовим вопросы к своей игре, – резюмировал Сергей.

– Но успеешь ли ты подготовиться?

– Придется, – невозмутимо ответил Городецкий-Карцев. – Впрочем, у меня часть вопросов от прошлой игры не использована... А ваши новые платья будут готовы?

– Успеем. Я только боюсь, что женское общество их укороченный фасон категорически осудит...

– Укороченный? Ниже щиколоток?

– Но при ходьбе и, тем более, в танце это будет уже выше щиколоток!

– Увидишь, все мужчины будут категорически «за»! Двадцатый век пошел, а они все улыцы подолами метут...

Воскресным утром Сергей не утерпел, стремительно сходил к газетному киоску на Благовещенской улице и почти тотчас увидел первый номер «Красноярской роман-газеты», на обложке которой красовался улыбающийся он сам в меховой парке (Егор Федорович где-то раздобыл и заставил Сергея в ней сфотографироваться). Внизу крупными буквами было выведено «Смок Беллью», а пониже средними «Приключения золотоискателей на Аляске». Еще ниже стояло «автор Джек Лондон», а под автором мелко «перевод Сергея Городецкого». Заплатив 10 копеек, он бегло пролистал журнал и остался им доволен: переплет крепкий, буквы четкие, бумага хоть и серая, но не раздражала. Даже фото вышло на удивление ясным.

Дома журнал из рук брата выхватила Катенька и уставилась на обложку.

– Это же ты! – закричала она. – Мама, Сережу на обложку роман-газеты сфотографировали!

И вбежала в комнату матери.

– Не мешай маме творить, оглашенная! – возопил Сергей. – Так и знал, что из-за этой фотографии покоя никому не будет...

Через пару минут в зал энергично вошла Елена Михайловна с журналом, а за ней хвостиком Катенька.

– Это просто чудесно, – сказала мать с чувством и заключила Сергея в объятия (Карцев затрепетал). – Мой сын – писатель и золотоискатель! Егор Федорович замечательно придумал. Теперь никто не посмеет отнестись к тебе с пренебрежением. Случай убедиться в этом сегодня же и представится: мы идем в самый шикарный дом в городе, иллюминированный электричеством, где будет фешенебельное общество и, видимо, даже генерал-губернатор с семьей. Но в центре внимания будешь ты, мой сын. Боже, какое счастье!

Вечер у Гадаловых развивался ожидаемо, под кальку предыдущего, у Кузнецовых. Когда публика (человек под 80) вдоволь развлеклась необычной викториной, состоялся грандиозный ужин (с осетровой ухой, молочными поросятами, бесчисленными салатами и гарнирами), после которого мужчины потянулись в курительную комнату. С минутным колебанием вошел туда и некурящий Городецкий (с тычком от Карцева).

– Да, господа, – отвечал на чей-то вопрос Михаил Александрович Плец, генерал-губернатор, плотный бритый мужчина лет 55 с тяжелым проницательным взглядом, – война с Японией вполне вероятна. Микадо, после того как заключил военный союз с Великобританией, стал безапелляционно настаивать на протекторате над Кореей и особых интересах в Маньчжурии. Тем самым Порт-Артур и Дальний оказываются, по существу, в японской блокаде, да и Харбин, в случае высадки японской армии в Маньчжурии, будет под ударом. Выбор у нас невелик: либо мы из юго-восточного Китая уходим, бросив все построенное на миллионы рублей, либо будем его отстаивать с оружием в руках. Впрочем, и выбора-то нет: уступим здесь и тотчас Владивостока с Хабаровском лишимся. Но так ли уж страшна японская армия, хоть и подпертая современным флотом? Если мы тратим огромные деньги на строительство флота и содержим миллионную армию, то эти военные структуры должны доказывать свою необходимость. Сейчас назревает именно такой случай.

– А какова численность японской армии? – спросил хозяин дома, Петр Иванович.

– Точно мы не знаем, но тоже может быть под миллион, – ответил Плец.

– И этот миллион может навалиться на нашу Дальневосточную армию числом в 100-150 тысяч?

– Ну, вряд ли. Возможности высадки в Маньчжурии у них тоже ограничены. Но тысяч 300-400 накопить могут.

– Так значит, надо срочно перебрасывать войска в Харбин, благо железная дорога действует...

– Западные военные округа у нас по-прежнему считаются основными. Убери оттуда часть войск и риск нападения Германии вместе с Великобританией и Турцией возрастет.

– Тришкин кафтан, – резюмировал Александр Петрович Кузнецов. – Страна у нас слишком большая, попробуй везде защитить.

– Если мне будет позволено сказать... – подал вдруг голос Городецкий.

– О, молодое дарование везде поспевает! – снисходительно улыбнулся генерал-губернатор. – Ну, явите, юноша, свою мысль сливкам общества...

– Войск и этих может быть достаточно. Только их надо насытить пулеметами и артиллерией. У японцев в армии пулеметов сейчас практически нет, вот и надо их подавить сразу.

– Пулемет? Это что за оружие? – заговорило сразу несколько человек.

– Ну, есть такое скорострельное оружие, – несколько озадаченно начал Плещ, – но оно довольно громоздкое и ставится пока в крепостях. И патронов тратит неимоверно много.

– Есть облегченный, вьючный вариант производства Швейцарии, – вновь удивил эрудицией Городецкий. – Его можно ставить в окопы, в засады или даже на конные брички, что позволит стремительное перемещение в узловых точках боя. А тратить патроны и снаряды, по моему, куда эффективнее, чем человеческие жизни. Если завезти все это вовремя и обучить солдат и офицеров их использовать, никакой самурайский дух и джиу-джитсу японцев не спасут.

– А Вам, молодой человек, откуда о пулеметах известно? – свел брови генерал-губернатор.

– В «Русском инвалиде» прочел. Или в «Военном сборнике»?

– Я смотрю, у Вас необыкновенно широк круг интересов и чтения. А практически в военных действиях поучаствовать не хотите? Например, вольноопределяющимся?

– Мне кажется, – возразил Городецкий-Карцев, – что государству, обладающему могучей армией, не следует допускать военных действий. Армия должна быть инструментом устрашения и проводить в этих целях широкомасштабные учения с наблюдателями из как можно большего числа стран – как ближних, так и дальних. И обязательно освещать эти учения в прессе. Чтобы возможный агрессор осознал самоубийственность задуманной авантюры. Что касается меня, то я решил служить своей стране другим путем: изучая ее недра и разведывая многообразные полезные ископаемые.

– – Что ж, приятно слышать такие здравые речи от совсем молодого человека. Ведь двадцати лет Вам еще нет?

– Скоро будет, – буркнул Сергей.

– Ну, не обижайтесь, этот недостаток из числа тех, что скоро проходит. Да и недостаток ли? Как я любил в молодости бегать, все норовил сделать на бегу... А юношеская влюбленность – что может быть милее? У Вас уже есть невеста?

– Нет, – все в том же грубоватом тоне ответил Сергей.

– Так, господа, все, кто имеет дочерей на выданье, прошу становиться в очередь на соискание руки и сердца столь выдающегося юноши. Но только после моей Надин. Вы, Сергей Андреевич, с моей дочерью еще не знакомы? В таком случае прошу Вас прийти на ее именины, которые мы будем справлять в будущее воскресенье.

– Разве не именинница составляет список желаемых гостей?

– Она, конечно. Но мы с ее мамой еще пользуемся авторитетом у детей и вправе приглашать одного-двух гостей по нашему выбору.

– Не смею пренебречь Вашим приглашением. Форма одежды?

– Произвольная. Впрочем, Надя у нас обожает танцевать, так что смокинг или фрак были бы уместнее... Вы ведь танцуете?

- Преимущественно, вальс, в польках и мазурках путаюсь...
- Ну, вальс – главный танец, а прочие вроде игры. Наденька, при желании, научит...
- По дороге домой Городецкие живо обменивались мнениями.
- Мама, – смеясь, говорил Сергей, – у меня сложилось впечатление, что все мужчины в зале смотрели только на тебя!
- Не преувеличивай, – смущалась Елена Михайловна. – Там было столько молодых женщин...
- Нет, мама, правда, – вклинилась Катенька, – ты была моднее всех! И платье это совершенно не казалось вульгарным! И генерал-губернатор только к тебе подошел что-то сказать...
- Он поздравил меня с воспитанием прекрасного сына! Правда, и мне сказал пару комплиментов...

Глава девятая. Все враз

В понедельник Карцев спохватился, что не придумал еще, какое произведение печатать в роман-газете после выхода окончания «Смок Беллью». Сначала ему пришла в голову «Одиссея капитана Блада», но в интернете он узнал, что Сабатини опубликовал ее в 1922 г. «Все таки лишать человека фактического авторства и плодить судебные конфликты – это нехорошо, – решил он. – В конце 19 века написано достаточно увлекательных книг, надо только поискать».

И в самом деле, через час у него сформировался список из вполне достойных кандидатов на публикацию, в том числе «Овод», «Приключения янки...», «Пан» и «Виктория» Кнута Гамсуна, «Портрет Дориана Грея», «Записки о Шерлоке Холмсе», «Белый отряд», «Черная стрела», «Остров сокровищ», «Милый друг», «Тэсс из рода д'Эбревиллей» и «Джуд незаметный» Томаса Харди, «Прапорщик армейский» и «Кадеты» Куприна, «Фома Гордеев»... В конце концов, можно публиковать почти всего Акунина: уж очень его книги хороши для начала 20 века! И к ответу никто не притянет...

Но пока он остановился на только что поспевшей трилогии Брет Гарта «Степной найденш»: и по теме к Джеку Лондону близка и мелодраматичности в ней порядочно, которую, что скрывать, любят безыскусные читатели. И вновь он стал заучивать абзац за абзацем...

Соединившись с Сергеем в архиве, он тотчас стал записывать заученные главы, при этом неизбежно путаясь и выправляя канву книги слегка на свой лад.

– Мне нравится Брет Гарт, – одобрил его выбор реципиент. – И этой книги я точно еще не читал.

– Значит, и другие сибиряки не читали, – хмыкнул довольно попаданец. – Так что покупать будут активно, что нам и требуется. Скоро денег девать будет некуда... Кстати, надо вечером навестить нашего Евлампия: самый сезон для сапогов пришел... К которым я чертеж застешки-молнии обещал представить. Вот книгу закончу и нарисую...

– А когда к Александру Петровичу пойдем с новыми россыпями?

– А давай сегодня? Отпросишься у Ильи Николаевича и пойдем... После того как застешку нарисую.

Господина Кузнецова вновь пришлось ожидать, зато он сразу смог уделить Городецкому время. По мере знакомства со все новыми россыпями, хоть и малыми, на 5-20 пудов, он невольно все шире улыбался.

– Смотри-ка, что за сокровища в нашем архиве пыльном скрываются... И это все золотарями было пропущено? Хоть шурфики-то почти в каждом ключе раньше били... Впрочем, ты ведь просто данными шурфов не ограничился, а не поленился запасы по каждой долине посчитать!

– Эти запасы оценены мной очень примерно, иногда по одному-двум шурфам. Нужно, конечно, пробить контрольные линии или вообще разведку правильную на них поставить...

– Дойдут руки, поставим. Это сколько же в совокупности у тебя по 8 россыпям получилось? Под 60 пудов? То есть больше чем на миллион рублей... Ай да Сереженька, божий одуванчик, золотой мальчик! Ты прости меня за фамильярность, но давно я такого результата от своего сотрудника не получал...

– Это еще не все, – сказал Городецкий. – Основную россыпь, на 100 пудов, я на закуску оставил. То есть под акции вашего товарищества, как договаривались.

– Будут, конечно, будут тебе акции! За три-то миллиона будущих доходов... Слово сибирского промышленника, ты ведь слышал, закон! И где же она, не томи?

– Это в долине Лево́й Мурожной, от устья до россыпи руч. Васильевского при длине около 15 км. Среднее содержание золота в «песках» около 1 г/м³ и вскрыша значительная, от 2 до 5 м, так что годится только под драгу.

– Да, россыпь бедная и трудоемкая, потому ее старатели и пропустили. А под драгу годится. Когда Большую Мурожную отдрагируем, не раньше. Но на дальнюю перспективу, чем не россыпь? И кстати, акции товарищества на Лондонской бирже после известия об открытии новой средней россыпи ощутимо поднимутся. А это уже реальный доход – притом, что из нее еще ни золотника не добыли! Порадовал, порадовал ты меня...

– Но эту россыпь тоже требуется доразведать...

– Это да. Вот что: я сегодня же отдам распоряжение о проходке контрольной линии шурфов в среднем течении Лево́й Мурожной, а также в ложке на левом борту реки Тюрепина, где ты насчитал около 10 пудов золота. Как только твои сведения подтвердятся, мы оформим тебе пропорциональное количество акций. А дальше хоть в банк их положи и получай проценты, хоть продавай по одной или даже начни играть на бирже через маклера – дело твое. Надежнее всего, конечно, вклад в банке, проценты с которого составят такую сумму, что ты вполне можешь бросить службу. Или в архиве еще чем поживиться можно?

– Точно не знаю, но я и половины его не просмотрел.

– Тогда еще потрудись на благо своей семьи и своего товарищества. Какой золотой клад! И какой золотой юноша! Кстати, говорят, тебя генерал-губернатор уже в гости позвал?

– На именины дочери.

– Которой, старшей, Татьяны или младшей, Наденьки?

– Младшей. Но сколько ей все-таки лет?

– Должно, семнадцать. Невеста...

– А старшей сколько?

– Двадцать два. Все незамужем.

– Нехороша собой?

– Напротив, красавица и умница. Через ум свой и горе мыкает – как Чацкий у Грибоедова. Ну, скоро увидишь обеих... Как споро твоя фортуна разворачивается, везде успел! Да еще и писатель... Полистал я этого «Смока» перед вечером у Гадалова: бойкая, жизнерадостная вещица! Неужто, правда, в Аляске золотоискатели такие благодетельные?

– Повесть-то не моя, американская... В предисловии Джек написал, что был там всего год, перезимовал и насмотрелся всякого. Но есть законы приключенческого литературного жанра – он им и следовал.

– Понятно. Во всяком случае, я буду ожидать продолжения. Да и сестры мои переживают, чем у Смока с Джой Гастелл история закончится... Не подскажешь?

– Ни за что. По закону подогревания читательского спроса.

– Вот только на твоём примере я, наконец, понял, чем ваше поколение отличается от нашего. Мы в ваши годы были простоватыми романтиками, а вы уже смолоду дотошные и прагматичные – будто вам не под двадцать, а под тридцать, а то и сорок лет. Иметь по любому поводу свое мнение, да так убедительно его аргументировать, закончив всего один курс института – в 70-е годы было нонсенс!

– На меня не все, я думаю, похожи, есть еще и простоватые...

– Есть, конечно, есть. Но и в других молодцах я эту хватку замечал... Впрочем, так и должно быть в эпоху стремительной капитализации России, будет кому после нас ее развивать...

Вечером Городецкий-Карцев пришел в ателье.

– Евлампий! – зычно крикнула Клавдия Дормидонтовна. – Барчук твой пришел, выходи!

Евлампий Прошин вышел не спеша, с достоинством.

– Заказ пришли сделать, Сергей Андреевич?

– Нет, господин Прошин, принес я Вам давно обещанный рисунок застежки-молнии в сапоги. Вот, посмотрите: общий вид сапога, вид застежки застегнутой и расстегнутой, а также вид замка на застежке...

– Хитро... Но как удобно-то: застегнул-расстегнул! Хотя и не пойму все равно сам механизм застегивания.

– Я-то вроде бы понимаю, но как устроен замок – не вполне. Но Вы говорили, что есть в железнодорожных мастерских толковые слесари?

– Есть, как не быть. Да вот хоть Филимон Баев, сосед мой: ему отнесем, авось поймет и сделать возьмется...

– А он когда с работы приходит?

– Часам к девяти обычно. Только он с неделю как дома сидит, палец на ноге сломал.

– Тогда пойдемте, проведем?

– Айда.

Массивный Филимон, мужик лет тридцати, сидел за столом у дальней стены единственной комнаты, под керосиновой лампой, и швабрил напильником зажатый в тисочках нож мясницкого вида. Под стать ему дородная жена мыла в тазу посуду, а двое пацанят резались на печных полатях в карты.

– Здорово, сосед, – махнул шапкой Евлампий. – Гостей принимаешь?

– Это ты что ль гость? Или барчук этот?

– Мы не в гости, а по делу, – поправил Сергей незадачливого сапожника.

– Вон как, по делу... А что у вас за дела такие совместные?

– Мне довелось увидеть в Петербурге заграничные женские сапоги с необычной длинной металлической застежкой, которая называется «молния», – стал озвучивать домашнюю заготовку Сергей. – Меня эта застежка так поразила, что я ее зарисовал в разных положениях. Здесь показал рисунок Евлампии, чтобы он попробовал сделать такую обувь. Он сделать застежку не смог, но заверил, что сосед точно сможет. Вот мы к Вам и пришли, Филимон Кондратьевич.

– Эх ты ко мне, с подходцем... В конторе служишь аль еще в гимназии?

– В городском архиве.

– И сколь зарплата, если не секрет?

– Двадцать рублей.

– Да ты голь перекатная, хоть по одеже и не похож. Поди, папенька богатый, да дядья на конфеты подкидывают?

– Типа того.

– Ты, Филимон, на парня не накатывай. Он знаешь, какой головастый, даже мне в сапожном деле то одну новинку подскажет, то другую...

– Вроде вот этой застежки? Ну ка, покажите рисунки-то... Ого, такие сапожки и я своей жинке купил бы... Интересная застежка, никогда похожей не видел. Это, значит, вот этот замок зубчики друг за друга заводит и они на сомкнутой ленте разойтись не могут, а при обратном движении замок их разводит... Просто и сердито. Основной секрет в замке. Ну, да разберусь, наверное.

– Хорошо бы, Филимон, – заискивающе продолжил Прошин. – Мы с Сергеем Андреевичем решили, что если такие сапоги в серию пойдут, то я тебе с их продаж 10% отчислять буду.

– Да ты что? Правда что ль? Это кстати, мне лишние рублики в хозяйстве не помешают... Да и тебе, служащий архивный. Ты-то за это новшество процентов 50 запросил?

– Нет, у нас с Евлампием другая договоренность.

– Если тебе, Филька, деньги понадобятся на металл или что другое, то скажи, я дам, – сказал с заметным облегчением сапожник. – Так мы пойдем?

– Идите, идите. Я не гордый, скажу в случае чего...

Глава десятая. Именины у Надины.

В канун Надеждиных именин, в последнюю октябрьскую субботу, Карцев призадумался: не стоит ли придумать какую-то домашнюю заготовку? Глупо было бы затеряться среди прочих гостей, ожидая благосклонного взгляда именинницы или ее сестры...

Впрочем, в 21 веке в похожих ситуациях Карцева всегда выручали гороскопы. А ведь Надин-то – Скорпион! Знак яркого, самоуверенного, но скрытного характера. Тот еще будет подарочек для будущего мужа... Хорошо, подберем гороскоп, сгладив темные стороны и расцветив светлые. Жаль, что день именин сестры ее неизвестен – тоже ведь может пожелать гороскоп. Хотя, можно составить его по имени... Кто там у нас Татьяна? Ага – впечатлительная, талантливая, упрямая и целеустремленная натура. Симпатичный набор качеств, а мужа таки нет. Ну, за работу...

В воскресенье Карцев, вселяясь в Городецкого, испытывал все же нешуточное волнение, а уж про Сергея и говорить нечего: он просто дрожал.

«Что ты трусишь? – пробовал утешать его наставник. – У девочек на именинах что ли не бывал? Придем, себя покажем и на других поглядим, с вертушкой этой потанцуем, гороскоп ей выдадим, с генерал-губернатором еще раз покалякаем и целенькими уйдем».

«Там будет не одна, а несколько девушек и все из верхов общества. Они, если им вздумается, меня просто затерзают, свое место укажут. Тем более, что я танцевать не умею...».

«Я зато умею, а также сестра и маменька твои. Давай-ка, кстати, поучимся!».

Столь нужную и почетную миссию взяла на себя Елена Михайловна. Зал их был, конечно, маловат, поэтому фигуры вальса приходилось укорачивать, слегка налетая друг на друга, отчего у Карцева по виртуальной спине всякий раз пробегали мурашки.

«Эй, дядя, я тебе управление своим телом передоверил не для того, чтобы ты нагло жался к моей матери!»

«Вальс сейчас – самый контактный танец, да и тесно у вас очень: то на стол, то на маму твою налетишь...»

«А жмуришься чего, как кот масляный?»

«Погоди, посмотрим, как ты будешь скоро жмуриться...»

– А ты, оказывается, умеешь вальс танцевать! – сказала удовлетворенная Елена Михайловна. – Где только научился?

– Мы в Питере иногда танцевали на балах с курсистками... – привычно соврал Сереженька.

– Ну, хорошо. А польку, кадрили и мазурку разучивай с Катенькой – им в гимназии эти танцы преподают.

– Нам и вальс преподают, – гордо сказала Катя. – не то, что мальчишкам. Начнем с кадрили, она проще...

К губернаторскому дому Городецкий подошел с букетом бледно-фиолетовых лилий. Его пальто было уже вполне приличным – потратил на его пошив свой литературный гонорар. Дверь ему открыл слуга в ливрее (ноблесс облич!), вполне вышколенный: молчалив как англи-

чанин, но улыбив как француз. Оставшись в смокинге и переобувшись в фирменные балльные мокасины, Сергей подошел к настенному зеркалу и стал критически морщиться.

«Что ты, отрок, шуришься? – попенял ему Карцев. – Все у тебя на месте и вид настоящего комильфо. Не кипишуй...»

– Как о Вас доложить? – обратился к нему слуга. И выслушав ответ, открыл двери в гостиную и звучно объявил:

– Сергей Городецкий!

Превозмогая душевный трепет, дебютант двинулся в заполненный гостями зал, но вдруг под ноги ему кинулся котенок, спрыгнувший с рук обернувшейся на голос темноволосой статной девушки в шифонном платье радужной расцветки. Сергей шарахнулся в сторону, но все же споткнулся о котенка и, почти падая, инстинктивно схватил девушку в объятия, осыпав ее цветами. Тотчас он отпрянул, но отовсюду уже несеся дружный смех.

– Вот какой хват, этот Городецкий! – раздался насмешливый девичий голос. – Сразу выбрал себе девушку по душе! Поздравляю Таня, ты сегодня у стенки стоять не будешь...

– Прошу прощенья, – пролепетал пунцовый Сергей Андреевич и стал собирать с пола цветы.

– Это я должна у Вас просить прощенья, – тоже краснея, мягко сказала Татьяна Михайловна, – Не удержала Ваську на руках...

– Ваши извинения не принимаются, – бесцеремонно продолжила свою атаку юная, гибкая, но уже полногрудая блондинка с яркими зелеными глазами, одетая в кружевное белоснежное платье с задрапированным тюлем и усыпанным искусственными розами декольте. – Вы будете должны мне как виновнице сегодняшнего торжества один фант. А в каком виде он будет преподнесен, зависит от Вас.

– Целиком с Вами согласен, – сказал Карцев устами Городецкого. – Несколько позже я Вам, Надежда Михайловна и Вам, Татьяна Михайловна, преподнесу что-то вроде фантов. Нес вот еще фиолетовые лилии, которые отдаленно походят на те цветы, которые более Вам, Надин, соответствуют – но не вполне донес.

– О каких это других цветах Вы говорите? – загорелся взгляд именинницы, оставившей за скобками преждевременное фамильярное «Надин».

– Это будет сказано при вручении фанта, – уклонился гость.

– Да Вы, я вижу, отменный интриган? Может, и на сестру мою рассчитано покусилесь?

– Уверяю, нет. Может, при дальнейшем знакомстве...

– Вот наглец! А сначала таким пай-мальчиком показался. Не думаю, что нам стоит подерживать это скороспелое знакомство...

И, подхватив сестру под руку, Надежда решительно двинулась от не в меру бойкого гостя.

«Что Вы наделали?! – запаниковал Городецкий. – Это, по-вашему, более удачное поведение, чем моя робость?»

«Еще не вечер, Сереженька. Да и разгневанность у девушки вполне показная, уж ты поверь бывалому салонному шаркуну... О, к нам идет его сиятельство и, видимо, с супругой».

– Вижу, Вы, Сергей Андреевич, уже познакомились с моими дочерьми? – приветливо спросил появившийся из глубин дома генерал-губернатор, держа за локоть величаво-обширную даму. – Позвольте Вам также представить мою жену, Марию Ивановну, урожденную Мордвинову.

– Мне очень приятно быть Вашим гостем, Михаил Александрович и Мария Ивановна.

– А позвольте спросить, отчего мои дочери развернулись к Вам спиной? – обманчиво небрежно спросила губернаторша.

– Я проявил неловкость и усугубил ее нелепой фразой. Надежда Михайловна даже не захотела принять от меня цветы...

– Не переживайте, юноша, Наденька отходчива. А лилии Ваши хороши и цвет один из ее любимых. Позвольте, я их заберу и поставлю в вазу в ее комнате.

– Буду Вам очень признателен!

– Итак, молодые господа и юные девы, – зычно обратился к гостям хозяин дома, – прошу пройти в столовую! Там вы сможете оценить труды наших кухарок и произнести моей дочурке приветственные речи!

Званный обед длился около часа, все друзья и даже некоторые подруги уже произнесли бравурные фразы в адрес Наденьки. Карцев, внимательно изучавший гостей, отметил явного фаворита именинницы (статного прапорщика лет 22), его неудачливого соперника (рослого служащего губернаторской канцелярии лет 25), двух-трех аутсайдеров, претендента на внимание Татьяны (тоже офицера, но постарше, лет 30, при бородке и усах), криво улыбающуюся завистливую подругу, нескольких ее подобиий, а также вполне нейтральных персоналий женского и мужского пола. Было и несколько взрослых людей, сидевших поодаль от именинницы – видимо, из числа родственников, а также особо приближенных сослуживцев губернатора. Вдруг Наденька чуть выпрямилась на стуле и выхватила взглядом Городецкого.

– А где тот гость, что задолжал мне фант? – звонко спросила она. – Вам есть что мне сказать, спеть, сыграть или, на крайний случай, подарить?

– Я принес Вам на память Ваш гороскоп, в котором отмечены полученные при рождении основные черты характера и ума, особенности здоровья и предсказаны некоторые особенности Вашего будущего. Предпочтете ли Вы изучить его наедине или позволите огласить сейчас?

– Нет, Вы, правда, очень самонадеянный тип. Ведь раньше Вы меня не видели и обо мне не знали? Или скрытно собирали сведения о губернаторской дочке?

– Не видел и не знал, это правда. Однако давным-давно умные люди подметили, что очень неоднородное человеческое общество все же состоит из групп сходных по своим качествам людей, которых объединяет также месяц рождения. Каждому месяцу соответствует на ночном небе определенное зодиакальное созвездие: Овен, Телец, Близнецы и так далее. А вот ноябрю и концу октября соответствует Скорпион. Значит, Вы, Надежда Михайловна, родились под знаком Скорпиона. И принадлежите к определенному типу людей, свойства которых описаны еще в древней Индии. Впрочем, современные астрологи усовершенствовали это описание. Вашу характеристику я взял у них.

– Не верю, ерунда и мракобесие.

– Давайте проверим. Я буду зачитывать, а Ваши друзья и подруги будут подтверждать сказанное или отвергать.

– Позволь, Надин, пусть читает. Хоть посмеемся еще раз над этим Городецким... – раздался голоса.

– Это может оказаться интересным, – поддержал вдруг отец.

– Ну, если Вы так хотите быть осмеянным, приступайте, – скривила рот именинница.

Городецкий-Карцев поднялся с места, приосанился и достал из грудного кармана свернутый в трубку гороскоп, написанный каллиграфическим почерком Екатерины Городецкой.

– Итак, гороскоп Надежды Михайловны Плещ, рожденной 28 октября 1885 г. под знаком Скорпиона. Энергична, импульсивна, горда, самоуверенна, категорична, но добросердечна и справедлива. Отчаянная спорщица, при этом противоречива: может отстаивать одно, а через некоторое время противоположное. Так?

– Похожа... – раздался несмелые голоса.

– Похоже на нее, – подтвердил отец.

– Далее. Любит все яркое, красивое, роскошь, комфорт и чистоту. С удовольствием руководит уборкой комнат и может сама принять участие...

– Похоже, – с удивлением подтвердила Мария Ивановна.

– Ценит дружбу, но в друзья выбирает людей себе под стать: сильных, красивых, умных. Слабых откровенно презирает. На комплименты обращает мало внимания, так как в чужих оценках не нуждается...

– Точно! – воскликнул канцелярист.

– Сравнима с Везувием: внутри все может кипеть, но внешне кажется спокойной. В отношениях с близкими стремится навязать свои правила, сопротивление которым может вызвать ее агрессию. На этой почве есть, скорее всего, конфликты с отцом...

– Это, пожалуй, чересчур, – пробурчал Плец.

– Может быть очаровательна и обольстительна, так как обладает гипнотическим взглядом, но в глубине души иногда жалеет, что не родилась мужчиной...

– Как Вы смеете... – вскинулась именинница.

– Немного о здоровье и о будущем, – извиняющимся тоном сказал Сергей. – Здоровье от природы отменное и жизнь ожидается долгая, но есть и слабые места. Это носоглотка, позвоночник и ноги, в зрелом возрасте может быть варикозное расширение вен...

Еще о будущем: склонность к импульсивным решениям может привести к неудачному браку и разводу. К этому же ведет сильная собственная ревность. Повторный брак очень пугает, поэтому может образоваться связь с женатым человеком, от которого будут один-два ребенка. Но возможны счастливые варианты замужества с людьми, рожденными под знаками Рака, Девы, Козерога и Рыб.

– Да-а, – произнес Михаил Александрович. – Потешил...

– Очень прошу прощения, особенно у именинницы, – смиренно сказал Городецкий. – Это ведь относится вообще к Скорпионам...

– Я хочу еще спросить, – глухо сказала именинница, – какой мне подходит цветок?

– Скорпиона вообще-то символизирует чертополох, – упавшим голосом ответил Сергей и тут же возвысил голос. – Но знаете, этот цветок был на знаменах шотландцев во времена их многовековой борьбы с английскими колонизаторами...

– Причем тут шотландцы? – вскочил с места прапорщик. – Ты Надин весь праздник испортил! Оракул недоделанный!

– Прошу прощения, – повторил Городецкий.

– Сергей Андреевич здесь не причем! – вдруг громко возразила Надин. – Он хотел лишь оказаться в числе моих умных друзей. И еще: все, что он сказал про меня – истинная правда! А теперь предлагаю пойти в зал и вволю потанцевать!

Через пять-десять минут вся молодежь была уже в зале и выплясывала польку под звуки рояля и скрипки. Городецкий же предсказуемо был приглашен в кабинет хозяина дома.

– Ну, ты и отмочил! – с некоторым раздражением хохотнул Плец, раскуривая сигару. – Чертополох! Хорошо, что девочка у меня выросла сообразительная и взяла ситуацию в свои руки.

– Да, она у вас замечательный человек, – вздохнул Городецкий. – Побольше бы таких...

– Ну нет! – энергично возразил отец. – Пусть будет одна да моя. Кстати, ты, надеюсь, в эту дурь не веришь?

– Не знаю, молодой еще, пока не разобрался...

– Вот и не верь. Дети не от каких-то зодиаков зависят, а от папы и мамы. Так то... Дочери у нас, конечно, разные, просто Надя в мать пошла, а Таня в меня.

– Для Татьяны я тоже гороскоп составил, вдруг, думаю, попросит...

– Ты что, узнал, когда она родилась?

– Нет, это другой гороскоп, по имени... Попы тоже по какой-то системе имена дают.

– Бред...

– А Вы возьмите, почитайте, по-моему, очень похоже на нее получилось... Насколько я успел ее понять.

– Ну и ну... Воистину есть многое на свете, что и не снилось нашим мудрецам... Дай-ка сюда...

Городецкий полез в другой карман и передал очередной лист бумаги, свернутый в трубку.

– Ага, – пробормотал Плец, вчитываясь. – В детстве: подвижна, смешлива, инициативна в играх... любила рисовать, читать, разыгрывать придуманные истории (вот, черт, все про нее!), обожала животных, слушалась родителей, примерно училась в школе за счет кропотливого труда... склонна к гуманитарным дисциплинам и к искусству... хорошо давались языки... (ну верно же!).

Сейчас: умна, наблюдательна, скромна, приветлива, ответственна, работоспособна, самокритична, стремится к независимости, но иногда излишне самонадеянна, ошибается в людях и потому «наступает на одни и те же грабли» (что и говорить, частенько!). Стремится к элегантности и оригинальности в одежде... Мужское внимание не отвергает, с удовольствием флиртует, но не более того.

В будущем: мужа будет выбирать кропотливо, претенденты должны обладать умом, вкусом и чувством юмора. Будет ему верна и станет с удовольствием уступать, исподволь направляя. Хозяйка заботливая, внимательная к любым мелочам. Родит несколько детей, которых сможет прекрасно воспитать. Проживет долго, обладая хорошим здоровьем, но с периодическими мигренями... Ну, прямо Татьяна Ларина! Впрочем, похожа. Где ты, говоришь, все это прочел?

– В Питере сейчас полно журнальчиков, посвященных гороскопам. Я, когда там учился, многим интересовался, гороскопами тоже. Сделал ряд выписок, которые и решил использовать, заинтересовать именинницу...

– Что и говорить, задумка удалась... Впрочем, не все потеряно: девушки любят все необычное, таинственное, а уж моя Надин вдвойне. Так что идите, потанцуйте с ней, но больше не оригинальничайте: и сказанного достаточно. После танцев мы с Вами еще поболтаем...

Глава одиннадцатая. Страсти в начале 20 века

Танцы в доме генерал-губернатора были в самом разгаре, уже перешли к вальсам. Надин оставалась в центре внимания, переходя из рук в руки. Впрочем, во время танца периодически поглядывала в сторону отцовского кабинета и потому, когда Городецкий из него вышел, был вскоре ею замечен. Тем не менее, первой к нему подошла Татьяна, отдохавшая после предыдущего вальса.

– Появились, наконец, герой дня, – огорошила она влет.

– Герой? – искренне удивился Сергей. – Изгой, Вы хотели сказать...

– Изгой или герой, зависит от точки зрения. А она у нас, женщин, бывает, быстро меняется. Наденька всю шею себе искрутила, Вас высматривая...

– Для чего я ей? Она в хороводе из кавалеров...

– Все они ей хорошо известны и порядком наскучили. Вы же пока просто «мистер Икс» какой-то... К тому же вполне симпатичный. Не хотите со мной потанцевать следующий вальс?

– Причем тут мое «хочу»? На такое предложение мужчина не может ответить отказом...

– Ай, какой правильный мальчик! А Наденька пусть еще помучается...

Впрочем, Надин подлетела к ним еще до начала нового вальса.

– Что Вы стоите у стенки, Сергей Андреевич? Пойдемте танцевать!

– А мы сейчас и пойдем, – сбавфила ее натиск старшая сестра. – Надо все-таки дождаться музыки...

– А-а, – растерялась младшая и тут же нашлась. – Но именины-то у меня! Значит и право первенства мое!

– Ты еще право первой ночи вспомни... – обострила ситуацию Татьяна.

– Ты... ты... – задохнулась от возмущения Надин и пошла прочь.

– Вы и правда... – начал было Сергей, но тут вновь заиграла музыка и Татьяна мягко, но властно повлекла его в сторону центра. Карцев тотчас перехватил управление у Городецкого и уверенно повел девушку дорожками знакомых ему танцевальных па.

– Вы необычно танцуете, – сказала ему через некоторое время самозабвенно улыбающаяся Татьяна. – Я некоторых фигур ни у кого не видела. И еще: я чувствую себя целиком в Вашей власти. Это так приятно...

Оба Сергея испытали прилив чувств от этого признания, хотя Карцев только что морщился, не обнаружив на спине Татьяны не закрытых корсетом участков кожи. «Как с солдатом в бронежилете танцуешь!».

Впрочем, скоро сладкое местечко нашло его колено и стало с учащающейся периодичностью проникать меж сливочных ножек неискушенной провинциальной девушки, благо просторное легкое платье позволяло это делать. Та первое время неизменно ежилась от этого проникновения, но он раскрутил ее сильнее, вцепился более властно и стал проникать все глубже и чаще, достигая и совсем интимного межножия. В какой-то момент она прекратила сопротивление и вдруг судорожно сжала ногами нескромное колено. В этот момент замерли последние такты вальса. Татьяна, тяжело дыша и не поднимая глаз, тихо сказала:

– Больше так не делайте. Это совершенно для меня не годится, не знаю, что на меня нашло... Бедная Наденька, мне ее уже жалко... Больше со мной не танцуйте.

И пошла из зала.

Красный, пристыженный Городецкий поплелся к стене.

«Что, в самом деле, Вы себе позволяете? – возмутился он. – Я с Вами попадаю из одной постыдной ситуации в другую».

«Такова взрослая жизнь, юноша. Вы же не думаете, что детей находят в капусте?». «Причем тут это? Придет время, я женюсь, и тогда буду вправе предаваться чувствам с женой...».

«Боже мой, детский сад, штаны на лямках... Для того, чтобы жениться, да не абы на какой девушке, а самой-самой, придется ее заинтересовать собой. Иначе ее умыкнет другой, вроде этого бравого офицера. А чем ты можешь заинтересовать – своими умоляющими серыми глазами?»

Тут их неслышный диалог был прерван все той же Надин.

– Ну что, натанцевались с моей сестрой? – агрессивно начала она. – Получили удовольствие? Она-то получила, я видела. Только что это вы так быстро расстались? В конце наступили ей на ногу?

– У нее закружилась голова, – соврал дважды, трижды виновный гость.

– И не мудрено, так сильно Вы ее крутили! Хорошо, что с Вами была не я...

– Хорошо, – покорно согласился Сергей.

– Вот как?! Значит, я Вам не подхожу? Со мной танцевать Вы избегаете?

– Помилуйте! – вскричал Городецкий. – Я сюда вошел четверть часа назад, просто еще не успел Вас пригласить...

– Так пригласите, наконец! – топнула ножкой разгневанная именинница.

– Может, подождем музыку?

– Нет! Мало ли что еще может случиться. Выйдем в центр и пусть попробуют не заиграть!

При полном недоумении присутствующих они вышли на пустующий круг, взялись в вальсовой позиции за руки и Надин громко произнесла:

– Сказки Венского леса! Пожалуйста!

Сидевшая за пианино девушка зашуршала нотами, но еврейской наружности скрипач на слух стал наигрывать знаменитый вальс. Надин и Сергей плавно двинулись по паркету.

Почти сразу в их сплетенных ладонях и пальцах запульсировала кровь, рождая томные чувства, которые все более перерождались во взаимную страсть. Вскоре фигуры вальса потянулись для них какое-либо значение, они летели по паркету «на автопилоте», превратившись

в охваченное трепетом единое существо. Ни о каких «проникновениях» в этот раз даже Карцев не думал, а уж Сергей был на пределе возможного счастья. Что касается Наденьки... Она танцевала с закрытыми глазами, лицо ее то озарялось счастливой улыбкой, то искажалось гримасой экстаза, то почему-то хмурилось, а тело... Тело ее вытянулось в струну, которая почти ощутимо вибрировала, подчиняясь мелодии вальса, а еще более мелодии любви, рожденной от соединения с этим необыкновенным юношей...

Они могли летать так без конца, не обращая внимания на окружающих (никто из них в круг так и не вошел), но музыка смолкла. В некотором недоумении они остановились, потом пошли в сторону, но пальцы и ладони расплести были не в силах.

– Что это за цирковой номер ты устроила? – вдруг обратился к Надин криво улыбающийся прапорщик. – Только что сальто-мортале не проделывала...

– Что за тон? – непроизвольно возмутился Городецкий.

– А тебя, олух царя небесного, не спрашивают! – окрысился бывший фаворит. – Твое место на галерке!

И легким движением пальцев щелкнул соперника по носу!

«Дуэль неизбежна! – сверкнуло в душе Карцева. – Но хоть выбор оружия оставить за собой...».

Тотчас он жестко взял прапорщика за нос, потянул к себе и резко оттолкнул, подставив подножку. Тот отпрянул и упал с грохотом на пол. Тут же вскочив, закричал:

– Дуэль! Я тебя уничтожу!

– Нет! – пронзительно вскрикнула Наденька и бросилась на шею Городецкому. Потом вдруг резко метнулась к офицеру:

– Нет, Борис, прошу тебя, не надо!

– Убью! – прорычал тот. – И никто меня не уговорит!

– Прощу! Мы же друзья!

– Да?! – оскалился прапорщик. – Просто, значит, друзья? А этот, без году неделя, тоже будет друг? Или ты его теперь вместо меня целовать будешь?

– Борис! – засверкала глазами Надин. – Ты ведешь себя недопустимо!

– Я веду себя как человек чести и офицер! А офицеры оскорбления смывают только кровью, на дуэли! Ты, ничтожный шпак, принимаешь мой вызов?

– Пришлите мне завтра своих секундантов, – ровно сказал Городецкий – Карцев.

– Нет! Пришлю сегодня! Я не могу жить оскорбленным ни дня!

– Что вы делаете, мальчики, – вновь вскричала Наденька, – остановитесь!

– Что здесь происходит, молодые люди?! – грозно спросил появившийся из кабинета генерал-губернатор.

– Папа, они хотят устроить дуэль! Из-за меня! Останови их!

– Это невозможно, – упрямо сказал Борис. – Я смертельно оскорблен. Если же Вы ушлете меня куда-нибудь, имя этого подлеца покроется бесчестьем!

– Так, господин прапорщик! Тотчас отправляйтесь под домашний арест и не вздумайте его нарушать. Иначе вмиг окажетесь в Туруханском крае или на Диксоне. Я лично разберу произошедшее.

– Я уйду, но ты, Городецкий, подлец и трус! Пусть все об этом узнают!

– Да-а, – сказал Плец спустя четверть часа Городецкому у себя в кабинете. – Ситуация для тебя прескверная. Не допустить дуэли – твое имя будет безвозвратно опозорено. Допустить – он тебя убьет.

– Еще посмотрим, кто кого убьет, – проворчал Городецкий-Карцев.

– А ты что, хорошо стреляешь? Или шпагой, саблей владеешь? Этот-то точно все это умеет, профессия это его, а ты?

– Выбор оружия остался за мной, – сказал Карцев. – Сражаться, безусловно, придется: общественное мнение страшнее пистолета. Выберу шпагу, потому что немного ей фехтовал. Постараюсь сразу его убить, в длительном бою он меня одолеет.

– Как же ты его, интересно, убьешь под неусыпным наблюдением четырех секундантов? – едко спросил Плец. – В случае применения недозволенных методов дуэль будет признана неправильной и честное имя твое останется замаранным.

– Дуэлянт не ждет от дебютанта особой ловкости, на это и будет мой расчет. В том же Питере мы ходили на французскую борьбу «сава» и кое-какие необычные приемы я освоил.

– Гм... Дай бог, дай бог. Помни только, что правила должны быть соблюдены. Эх, я ведь уже планы на тебя стал строить, хотел к себе приблизить, взять неофициальным помощником.... Как прав был Шопенгауэр, призывавший развенчать дуэльный романтизм, сколько прекрасных людей погибло напрасно! Кстати, может, ты не дворянин? Тогда с тебя и взятки гладки...

– Отец в Польше шляхтичем был, сюда его сослали...

– Жаль! Ты, вроде бы, и Наде моей успел понравиться? Этот просто так бы не прицепился...

– Он ее оскорбил! А она – лучшая девушка на свете!

– Даже так? А кто на нее критику в начале вечера наводил?

– Я еще ее не знал...

– Во так-то! А то: гороскопы, зодиак, древние мудрецы... Любовь – вот основное мерило отношений между полами. Надеюсь, ты не всех Скорпионов подряд любить будешь?

– Простите мне мое нахальство...

– Охотно прощаю. Жизнь нивелирует все заумствования. Хоть разум и стоит во главе мужского существования, понять женщину можно только через любовное чувство. Знаешь ли ты, как я счастлив с Машенькой? С периода жениховства и по сей день. Она моя утешительница и первая помощница в делах. Ладно, на эту и прочие темы мы, надеюсь, с тобой еще поговорим, выживи только...

– Значит, Вы даете мне добро на дуэль?

– Никуда не денешься, придется закрыть глаза. Но наглеца этого в случае твоей смерти я укатаю в самую глухомань, до выхода на пенсию... Кстати, у тебя друзья на роли секундантов есть?

– Нет фактически. Можно, конечно, обратиться к одноклассникам...

– Тогда я тебе их порекомендую, из моей канцелярии. Один сегодня и на дне рождения был, свидетель так сказать...

Глава двенадцатая. Дуэль.

По дороге домой молодой Сергей, естественно, испереживался. Карцев стал его успокаивать.

«Не кипишуй, мы его убьем, однозначно. Надо именно убить, иначе он не успокоится. Да и другим неповадно будет тебя затрагивать».

«Но как это сделать? Это ведь не танцы-обжиманцы, в которых Вы таким докой оказались... Вы же признались, что шпагой толком не владеете...»

«Не владею, но за ночь, у себя дома, азы надеюсь освоить. И тебя завтра с утра подучить. Убить же можно несколькими способами, проблема остановиться на одном...»

«До чего Вы человек самоуверенный, только и у Вас не все получается так, как задумано... Сегодня, например...»

«А что сегодня? Сегодня результат с перевыполнением: шли просто в истеблишменте освоиться, а в итоге двух дочек губернаторских на крючок подцепили и сам губернатор почти в друзьях...»

«А дуэль-то, дуэль! Ее в наших планах не было...»

«А это издержки вашего времени. В нашем нет ничего подобного. Впрочем, если насолишь кому-нибудь влиятельному, то наемный убийца грохнет втихую и все».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.